

Олег Митрофанов

КАРНАВАЛ

Выдуманная быль

Предисловие (2026)

У автора этой повести в счастливом 1985 году не было ни малейшего сомнения, что писать ее стоит. Небольшой жизненный и скромный сочинительский опыт вполне компенсировались молодостью, задором, вдохновением и фантазией. А самое главное – раз хотелось, значит было нужно. Во всяком случае – почему бы и нет.

У автора этой повести в сложном 2026 году имелись сильные сомнения, стоит ли к ней возвращаться, делать новую редакцию. И вообще: входить в давнюю реку – не игра ли в поддавки с самим собой?

Но вдруг возникли несколько аргументов, поколебавших и рассеявших сомнения.

Первый – некоторые удачные моменты в повести все же есть, и они заслуживают того, чтобы новая версия была сделана.

Второй – ряд светлых, наивных, идеальных мыслей, сформулированных молодым автором, вполне созвучны автору сегодняшнему, несмотря на прошедшие годы. А может и наоборот: эти чувства, пройдя сквозь годы, окрепли – и благодаря им, и вопреки им.

Третий – описанное в повести время воистину было каким-то лучезарным, полным надежд, устремлений вперед, предвкушения чего-то нового. И дело не только том, что мы были молодыми. Это непостижимым образом касалось тогда всего мира. Мы тогда стали ощущать себя гражданами этого большого мира, и обретенное право причастности к нему, как сейчас видится, было настоящим счастьем. Этим счастьем искренне пронизаны описанные игрушечные события, этим счастьем хочется и, пожалуй, необходимо поделиться.

Юный автор действительно принимал участие в Фестивале молодежи и студентов 1985 года. То были восемь дней тепла, внимания, света, искренней дружбы всех со всеми. Всем причастным казалось, что Фестиваль – главное мировое событие, это было счастливое и искреннее заблуждение. Приходила уверенность, что все в этом мире нуждаются в любви, ищут любви и достойны любви. И атмосфера этой потенциальной любви, атмосфера света и тепла в повести присутствует и извиняет все её огрехи и несовершенства.

Зрелый автор надеется, что в новой редакции ему удастся не выплеснуть с водой ребенка.

С уважением – О. М. Июль 2026.

Предисловие (1985)

Перед тем, как будет открыта Первая страница, мне хочется сказать, что эта история – не что иное, как местами более, местами менее правдоподобный вымысел о последнем вечере и последней ночи проходившего в июле – августе этого года XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Правдоподобный – потому что автор этих строк принимал непосредственное посильное участие в культурной программе Фестиваля.

Вымысел – потому что, сраженный невероятной насыщенностью фестивальной недели, в последнюю ночь он был дома и без сновидений проспал все предполагаемые чудеса Карнавала. Поэтому единственная его просьба – не сводить никаких аналогий.

С уважением – О. М. Сентябрь – октябрь 1985.

Стало совсем светло – на мгновение.

В ночное августовское небо, черно-синим теплым бархатом, мелким бисером звезд накрывшее упоенную и утомленную жарким днем столицу, взметнулся последний феерический сноп огней, искр и блесток.

На какую-то минуту ночь забыла, что она – ночь, настолько ярко стало все вокруг, озаренное тысячей разноцветных ракет, взметнувшихся в небо.

Ночь, правда, была и так не слишком-то темная. Огромная, царственная, любопытная Луна, слегка даже ущербная от своего любопытства, заливала сиянием всю видимую часть Вселенной. Чтобы ни одна спрятавшаяся от мира парочка не чувствовала себя в укромном одиночестве. Чтобы ни один ее подданный не находил полного отдохновения и покоя. Да и звезды, кстати, водили таинственные хороводы, вспыхивали стремительными метеоритными хвостами, отвлекали влюбленные усталые глаза от столь долгожданных в дневной суете призрачно-посеребренных лиц.

Но озарилось все вокруг!

Взметнулись, застигнутые врасплох, забытые было впотьмах деревья. Только-только, уставшие за день, прикорнули, прилегли они – и вдруг неожиданно невесть откуда взялся свет. Разбежались за углы, за дома, за горизонты тени. Повисли в небе, разлились алым пламенем шары, замигали полярным сиянием многогранники, брызнули прощальными сияющими струями огненные фонтаны...

Опадáло, осыпáлось из Космоса небо. Царица Луна была на минуту забыта и выключена, разжалована в горничные. Она даже, кажется, обиделась от такого обращения и умудрилась укрыться за единственную в суши последних дней отыскавшуюся в небе микроскопическую тучку. А там, на границе видимого, полыхнули заревом устремившиеся ввысь века назад невозмутимые, выдавшие и не такой огонь дома, башни, дворцы, шпили, церкви, часовни. Огромный город на миг пробудился среди ночи, не слишком-то, впрочем, темной. Он вздрогнул, освещенный ярко и нежданно, ткнулся ликом в парящий по небу пламень, подобно ночному мотыльку, привлеченному яркой лампой, и замер, как мотылек, едва лишь лампа выключилась.

Потому что зарево, отгорев, погасло.

Вернулись с неба, зашипели в реке раскаленные горением и полетом пустые, бесполезные отныне ракеты. Слепленная бабочка-столица канула во тьму. И уже через несколько минут немного ущербная от расстройства царица Луна выглянула из-за своей тучки, преодолела досаду, убедилась, что обижаться больше не на кого и не на что, и вновь матриархально засияла в своем небесном государстве, повелевая подданными-звездами, указывая, когда какой звезде сорваться, полететь по небосклону, погасить чью-то судьбу, сорвать с губ заветное желание.

Отсверкал в небе, утонул в реке фейерверк. Мир снова обрел свой привычный порядок. Это значило, что Фестиваль, занимавший умы, сердца и главные колонки первых страниц периодических изданий всей планеты, Фестиваль лета, тепла и улыбок – кончился.

Кончился и стал историей.

С забитого до полного аншлага стотысячного стадиона – не то, что яблоку упасть, вздохнуть лишний раз тесно – как из вулкана лава повалил разноцветный, разноязыкий люд.

Извержение! Вряд ли найдутся точные слова, которые передали бы состояние сей кипящей в полумраке, разогретой до предела и почти критической массы. Глухой и глубокий гул возник и завис в ста метрах над землей. Вот уже и факелы зажглись, вспыхнули светлячки фонариков, запестрели маски, завершая образы, подчеркивая экзотику и фантазию костюмов.

Ибо, правда, Фестиваль кончился. Но начиналась, полная таинств и приключений, его последняя сказочная ночь. Когда метаморфозы и ожившие сновидения в порядке вещей.

Когда предвкушения и мечты оборачиваются желанным воплощением или досадным разочарованием. Начинался Карнавал.

Всю фестивальную неделю я не пытался договориться с собой о свободном времени и отдыхе, а с друзьями – о совместном досуге, посещении чего-либо, просто встречах. Я был закручен व्यуном, занят безнадежно, должен был находиться одновременно в нескольких местах. Домой добирался за полночь – это если вообще добирался. Я играл на втором пульте в первых скрипках в весьма известном молодежном оркестре, у нас было много концертов, и мне с моей ламинированной карточкой-пропуском были открыты двери бесчисленных интерклубов, концертных залов, театров и театриков, а намек на свободное время и праздность не было ни в одном из них. Стоило после основной работы хоть где-то появиться с инструментом, меня тут же приглашали сыграть, спеть, пошутить, обсудить, находились партнеры по музыке, ансамблю, беседам. Один знакомый, отчаявшись застать меня днем и вечером, попытался дозвониться мне домой часов в семь утра, ему сонно ответили, что меня еще нет, и чтобы он позвонил *позже*. Ситуация эта ото дня ко дню развивалась по нарастающей, и ее пик пришелся на последний день Фестиваля. Утром, днем и вечером у нас были концерты в разных местах, между ними – встречи в интерклубах, а вечером – церемония закрытия. В кулуарах ходили таинственные слухи о каких-то невероятных чудесах и зрелищах, потому на закрытие грех было не пойти. Оно и правда оказалось очень милым, прелестно оживала на трибунах многотысячная фестивальная ромашка, фейерверк порадовал землю и небо невиданной доселе красотой, милейшие мелодии аккумулялировали музыкальные стили многих народов, и рев на стадионе, называемый пением, стоял оглушительный. Все это увлекало, завершало праздник великолепным аккордом и закончилось незадолго до полуночи.

А сразу после закрытия должен был начаться он – Карнавал.

Уже решив пройти этот путь до конца, так сказать, «назвавшись груздем», я, не слишком себя уговаривая, а скорее с удовольствием решил «полезть в кузов» и на Карнавал сходить. По поводу костюма я не мудрствовал, ни времени, ни ресурсов изощряться не было, да и сам мой рабочий внешний вид вполне подходил. На мне были прекрасно сшитый черный концертный фрак с атласными лацканами, белоснежная сорочка с воротником-стойкой и пояс. Полагающуюся для сцены черную бабочку я заменил белой, похищенной мной в случайной костюмерной какого-то маленького театра, там же я разыскал приличествующий случаю цилиндр. Бархатная темная полумаска, измененная прическа и черные лакированные туфли довершили картину. Кофр с костюмом на весь день и на всю ночь тащить было глупо, приходилось искать варианты. Чтобы не привлекать внимания и не выглядеть ряженым, шляпу, бабочку и маску я спрятал в пакете, но фрак девать было некуда, и на меня в метро и на улицах поглядывали с любопытством.

Готовилась к мероприятию и Инна. Будучи хорошенькой, привлекательной девчонкой, делала она это куда более тщательно, поэтому верчения перед зеркалом и экспериментов было предостаточно. Наконец, перед моим фрачным отбытием в концертное пекло, она предстала в своем карнавальном обличье. Нарядилась она невиданным зверьком таинственной породы, очень милым и симпатичным. Белая блузка с опушкой по пуговкам и по краю короткого рукава, белая до колен атласная юбка в крупную складку и туфли на маленьком каблучке с белыми же пышными помпонами. На голове у нее был таинственный головной убор – не то корона с полями, не то шляпа с рогами и почему-то с ушами. Все это ей чрезвычайно шло, гармонировало с ее глазастым юным лицом, с тоненькими ручками-ножками, вся она была такая белая и загорелая – просто само очарование. На её немой вопрос я, однако, скроил кислую физиономию, уныло оглядел её с головы до ног, повертел вокруг шляпы с ушами и заявил, что она – не-разбери-что-такое, непонятное диво, какая-то псевдо-цапля. Сбитая с толку моим юмором, она ответила, что совсем даже не цапля, и продемонстрировала маску с намалеванной на ней заячьей мордочкой, гордо поведав, что рисовала сама. Тогда не псевдо-цапля, а псевдо-заяц, реагировал я. Тут она вспыхнула и

высказалась, что, мол, сам я «псевдо», что принц Альберт я весьма сомнительный, несмотря на то, что так вырядился, что она еще покажет – и вообще. Чтó она мне еще покажет и чтó «вообще», мы уточнять не стали. Я торопился, дел было полно, а «вообще» - понятие растяжимое. Забрав свой пакет, я ушел, взяв скрипку под мышку и чувствуя себя несколько скованным и смешным.

Неловкость вскоре исчезла, я с увлечением работал, дирижер попросил меня в нагрузку к моим основным обязанностям объявлять номера, публика была разнообразна, интернациональна и доброжелательна, все шло отлично, и я не вспоминал ни о цаплях, ни о зайцах, ни о принцах.

Но через много часов, когда мы уже были на трибуне, а в темнеющем августовском небе, осветив поднятые кверху лица, громоздился последний многоэтажный каскад фейерверка, я посмотрел на сидящую рядом беленькую, пушистую, изящную Инну и рассмеялся, припомнив, что я «вообще». Она тоже рассмеялась, вспомнив псевдо-зайца, и несильно шлепнула меня по затылку. Я ответил ей ласковым щелчком в заячий нос, мы еще некоторое время посидели и поулыбались друг другу.

А потом в какой-то момент всё вокруг вскипело и зашевелилось, окружающая нас масса поднялась, начала куда-то двигаться. Встали и мы, пошли в общем направлении. Вокруг нас затеплились свечи и фонарики, замелькали маски, зашелестели необычные ткани и драпировки. Было очень тесно, весело и немного тревожно. Я держал Инну под локоть, чтобы нас не так-то просто было разлучить, и мы отправились вниз, в парк, под душноватую сень старых густых лип, где чародей-карнавал уже раскидывал свои коварные сети.

Подумав об одном и том же, мы взялись за руки. Я сжал ее ладонь и заглянул ей в глаза. Потом покачал головой и произнес «Ай-ай-ай!» Она тоже сжала мои пальцы, посмотрела на меня и сказала «Ай-ай-ай!». И мы опять рассмеялись.

Мы шли по довольно широкой, но тесной от всеобщего присутствия темной аллее, направляясь туда, где звучали музыкой воды, мерцали всеми мыслимыми и немыслимыми красками струи многоярусного фонтана. На полянах и аллеях уже запорхали громадные Бабочки с отражающими звездный свет крыльями, загудели полосатые Шмели с бочонок величиной, затанцевали светящиеся полутораметровые Жужелицы со стройными талиями. Один из разгуливающих неподалеку Крокодилов шагнул к нам и попытался завладеть рукой моей спутницы. Она, как мне показалось, и рада была составить Крокодилу компанию, но не тут-то было! Я сунул в его алую пасть скрипку в крепком, мореного дерева, зачехленном футляре. Несокрушимые, грозно светящиеся зубы Крокодила оказались картонными, часть из них смялась, часть отлетела и посыпалась на песок аллеи. Крокодил охнул, забормотал что-то сквозь опустевшую пасть, собрал с земли зубы и обиженно удалился исправлять нарушения в облике. Мне стало совестно. Ну, право же, почему я не уступил ему Инну? Чем он хуже какого-нибудь неведомого Слона или Орехового Куста, которые ее все равно рано или поздно у меня уведут? Я посмотрел на Инну, сердится ли. Но нет, она не сердилась, весело и лукаво смеялись под милой заячьей маской ее темные глаза.

- Ах ты мой рыцарь! Кабы не ты, жить мне со свирепым монстром...

Шутка, конечно, была не без задней мысли.

Я плотнее прижал к себе скрипку – старинный, дорогой инструмент – и заметил что-то насчет хулиганов, ветрогонов и повес, с ними только держись, зря мы сюда пришли. Тут Инна выдернула свою руку из моей. Она обозвала меня занудой и скучнейшим ворчуном, после чего добавила, что дорога домой мне известна, с таким настроением сэра Альберта, «хоть я тресни», из меня не выйдет. Я собирался ответить в том же духе и уже приготовил аргументы, но тут мы остановились, заинтересованные вновь появившимися Масками.

Действительно, было на что поглядеть!

Строго и элегантно одетый Холодильником мужчина шел под руку с молодой женщиной, изящно и кокетливо наряженной Кухонной плитой. Вот это да!

А это! – Под деревцем резвилась красивая упитанная девочка, выглядевшая Синим Озерцом с двумя Утками и Травой по берегам. Девочка играла в ладоши с мальчишкой, надевшим костюм Полумесяца, на который наплывало кудрявое Облачко.

Общий смех и остроумные комментарии вызвал бесконечный, метров десяти длиной, пятнистый Питон с совершенно уморительной мультипликационной физиономией и доверчивыми, меланхоличными собачьими глазами. Питон не торопясь продвигался вперед среди заинтересованной им прочей живности, стоя на пяти витках, на верхних изгибах которых в прорезях шкуры виднелись полные озорства светлые, круглые негритянские глаза. Хвост Питона плавно колыбался из стороны в сторону, подвешенный к небу связкой воздушных шариков, а с тем хвостом, топорща усы и мяукая басом, заигрывал симпатичный Котенок ростом сто девяносто шесть сантиметров.

Были здесь также Бояре, Марсиане, Индейцы, Горы и Пригорки, Чайники и Чашки, Рыбы, Чебурашки и Черепахи, Ножницы, Ботинки, Носороги...

Что там наши самые диковинные сны!

- Во дают... - сказала, наконец, Инна.

Я опять приготовился сказать что-то, на сей раз – на тему наших диковинных снов, набрал воздуха, даже открыл рот. Но в этот миг вокруг нас возник и закружился вихрь. Откуда-то, не иначе как с Сионийских гор, спустилась к нам стая Волков, Лис и Зайцев. Ну, скажите, где, как не на Карнавале, увидишь этих заклятых друзей в одной стае?

Легкий порыв внезапного ветра коснулся меня. Послышался ускользящий звук. Мелькнула передо мной тонкая загорелая рука, разлетелись по сторонам черные волосы, закружилась колоколом белая юбка и...

- Не скучай!.. – донеслось до меня эхом.

И все. Я остался один. Убежала. Улетела. Удрала.

Легко сказать «не скучай!» Пожелать можно что угодно. В какой-то юмористической телепередаче я недавно услышал смешную поговорку «кесарю – кесарево, а слесарю (извините) – *слесарево*». Главная прелесть Карнавала – маски ищут компанию по образу и подобию. Когда люди, пусть даже с разных концов света, надевают костюмы «из одной команды», то они и находят себе компанию, проводят Карнавал вместе, а потом, когда маски будут сняты, познакомятся и станут друзьями. Просто и гениально.

Всяким там Бегемотам, Крокодилам, Зайцам и прочим не одиноко – этих здесь хоть отбавляй. Присоединяйся и веселись. Что Инна и сделала. А мне как быть, принцу-то Альберту, чтоб его? Где мне найти на этом сборище зверей высший свет? Где мои слуги и пажи? Где мои лошади, собаки и соколы, где закрытый клуб, а также принцессы, маркизы, герцогини, взаимной благосклонности которых мне положено добиваться? – Нету.

Вот о том и речь. Не скучай!.. Легко сказать. Да и скучать-то положено великосветски. В соответствующей обстановке, а не в этом балагане. Не идти же мириться с Крокодилом! Это совершенно нелепо! Я, во фраке и в цилиндре, среди Жужелиц, разгуливаю, светски беседуя, с зеленой рептилией... Ерунда какая-то.

Настроенный довольно мрачно, беседовал я с собой почти вслух. Мне это даже понравилось. Было в этой беседе что-то величавое, байроновское, подходящее к моему скучающему образу. А вокруг между тем разворачивался невиданный по разнообразию и буйству фантазии спектакль. Всё шуршало в полумраке, таинственно двигалось, улыбалось из разных темных уголков, махало руками, клешнями и лапами, манило куда-то, обещало, шептало, напевало на разных существующих и выдуманных наречиях. Царица-Луна куда-то скрылась. Надоело ей быть свидетельницей всевозможных безумств и фантазий, она ушла за дальние рощи. Наступила та самая мерцающая полумгла, которая содействует чудесам. Было в буквальном смысле темно, и в то же время было все видно: различимы костюмы, отчетливы фигуры, таинственны маски.

Я шел вперед, на тихие звуки восточных флейт. Некое необычное шестирукое Существо сидело на высоком пьедестале, окруженное Индусами-браминами в чалмах.

Пьедестал был сооружен с обратной стороны каскада фонтанов, перед пьедесталом находилась небольшая поляна, за которой вновь начинался наполненный Масками парк. Под знойные мотивы духовых, осененный отблесками фонтана, могущественный Ночной Бог священнодействовал, жестикулируя большим количеством верхних конечностей, причем каждая из них двигалась в своей логике, развивая общий сюжет.

В настоящий момент сюжетом оказалась ситуация, в середину которой я попал, придя на поляну. Это был мировой суд. Грандиозную тяжбу пред ликом Божества вели Жираф и Бегемот. Предметом спора, как выяснилось, была *шея*. А именно – у кого она: у Жирафа – длиннее или у Бегемота – толще? Жираф утверждал, что у него шея более длинная, нежели у Бегемота толстая, Бегемот громко доказывал обратное. Глупее и нелепее повода найти было трудно. А эти двое еще и наскакивали друг на друга, как боевые петухи, и кричали, будто павлины в весеннюю пору. Процесс привлек внимание многих Масок, и свидетелей было достаточно. Маски смеялись и подбадривали спорщиков. Я тоже примкнул к обществу, от нечего делать и из любопытства. Спор разгорался, зрители разделились на два лагеря, шум возрастал, заглушал звучание флейт и фонтанных струй, а Божество размышляло с отрешенным, величественным видом. Наконец, когда пауза стала затягиваться, Божество ожило и всеми руками сделало знак Индусам-браминам. Трое схватили брыкающегося Жирафа, трое – упирающегося Бегемота. Решение оказалось воистину мудрое: шея Жирафа была укорочена и утолщена, а шея его противника – вытянута. После этой операции на туловище Жирафа насадили шею и голову Бегемота и наоборот. Получился ничейный результат, ноль – ноль, как в отечественном футболе. Обе шеи стали одинаковыми, и только по головам и расцветке можно было понять, где чья. Зрители были удовлетворены (это уже в отличие от отечественного футбола), два образовавшихся ЖирафоБегемота публично помирились и в обнимку ушли с поляны. На их место явился Юноша, увитый зелеными Виноградными Лозами. Он вывел на поляну кокетливую девицу, наряженную вертихвосткой-Лисой. Юноша поведал обществу, что вот она – Лиса – его девушка, почти невеста и прочее – вдруг возомнила себя героиней известной басни, начала над ним насмехаться и утверждать, что он еще зеленый, незрелый, кислый, в связи с чем они вряд ли составят счастливую пару. Непонятно, недоумевал Юноша-Виноград, что на Лису нашло именно сейчас, до Карнавала все шло благополучно. Лиса заявила, что терпела, но сейчас вот что-то *прорвало*.

Общество опять разделилось на две равные партии, одна сочувствовала Винограду, другая подначивала Лису, а Божество совещалось с Браминами. Потом шесть рук призвали к тишине, и был оглашен приговор. Лисе было поставлено на вид и указано, что Винограду надо дать время созреть, для чего ей необходимо поддерживать теплую, душевную атмосферу, а то он так и останется кислым. К тому же, как известно, дареному коню в зубы не смотрят, и вообще, кушай, что дают. А также обещано оторвать рыжий хвост, если будет дальше вредничать. Винограду же было рекомендовано – созревать быстрее. В самом деле – жаловаться, плакаться – и то не так, и это не годится – кому нужна такая кислятина? А девица-то видная, смотри, быстро уведут!

Решение было мудрое и смешное, но вместе с тем навевало размышления. Лиса и Виноград покинули поляну, а я, задумавшись, на время потерял связь с внешним миром. Неожиданно для себя я свел аналогию между зеленым Виноградом и собой, и это меня развлекло. Вывел меня из раздумий гул голосов, шаги и шепот. Всё это оказалось обращенным именно ко мне, отдалилось от меня и умолкло.

Только сейчас я заметил, что толпа отступила, и я, как медуза в отлив, оказался на суше, за полосой прибоя, на пустой поляне перед пьедесталом. Быстро оглянувшись, я обнаружил, что являюсь объектом внимания окружающих, что я один на чистом пространстве и ретироваться уже поздно. Видимо, Брамины оттеснили зрителей с поляны по приказу Божества, а само Божество упорно и знакомыми глазами меня изучало. Я узнал глаза: они принадлежали моему давнему знакомому, можно сказать – другу, Семёну

Пивоварову, Сёме, отменному хулигану, художнику и аспиранту Института стран Азии и Африки при МГУ. Мы с ним не общались больше года, потому что я считал, что он находится в заповедных долинах индийского Кашмира или в шумной Западной Бенгалии на языковой практике. Я уже собирался закричать «Привет, старик, вот это ты здорово придумал!», но Божество четырьмя руками спрятавшихся в его плаще ребят воззвало к молчанию, а двумя своими, загоревшими до черноты под тропическим солнцем Калькутты, подперло подбородок и с уморительной серьезностью уставилось на меня и на мою скрипку. Я смолчал, молчало и Божество. Несколько секунд мы играли в гляделки. Наконец, один из Браминов, уловив движение одной из рук Божества, развернул какой-то свиток и зачитал во всеуслышание:

- Что привело сюда неизвестного милорда?

Пришла моя очередь дать понять, что я не хочу распространяться здесь на личные темы. Тотчас же из-за Божества вышел другой Брамин.

- Милорду угодно сохранить свое инкогнито – быть по сему! А Духи Ночи, магические силы Шамбалы и древние пророчества Правителя Сучандры – а он всемогущ, мы-то знаем – помогут Милорду найти желаемое, тьмой и неизвестностью скрытое в глубоких чашах!

Какие слова... Духи Ночи... Силы Шамбалы! Особенно «Правитель Сучандра» мне понравился. Знать бы еще, кто это... Чтобы поддержать игру, не понимая, куда движется действие, я непривычным движением сложил руки на груди и неловко поклонился. Скрипка мне мешала.

- Да исполнится пророчество! – вступил в действие третий Брамин, в то время как предыдущие удалялись за спину Божества. - Да помогут Призраки Ночи обрести в темных лабиринтах то, что надеется найти таинственный господин Инкогнито! – и молчаливый Сёма Пивоваров подмигнул мне с неподвижного, сильно раскрашенного и очень серьезного лица. Получилось забавно, я услышал, как по публике, стоящей позади меня, прошел смешок. Усмехнулся и я, выпрямился, ослабил напряжение локтя.

И тут же почувствовал, что футляр со скрипкой выскользнул у меня из-под руки, кем-то мягко, но упорно увлекаемый прочь. Это произошло после синхронного взмаха всех шести рук Божества, я обернулся и увидел, что предо мной почтительно склонился мальчишка в черном костюме Пажа, в маске и в ярком берете с пером. Он спрятал футляр за спиной и держался от меня на безопасном расстоянии.

- Отдай!

Призрак Ночи склонился еще ниже и отошел еще дальше.

- Дай сюда, слышишь? Кому говорю! – сердито повторил я и шагнул к нему, протянув руку. Паж проворно отскочил, увернулся от моей руки и ввинтился в толпу. Зрители, заинтересованные происходящим, расступились, освободили дорогу, я ринулся вдогонку, Хор Браминов торжественно благословил меня на мой, по их выражению, «путь исканий», все вокруг смеялись и комментировали происходящее, уверенные, что все это забавная игра.

- А, гляньте, милорд не такой проворный, как этот чертик!

Черт, а не чертик!

- Правильно, ваша светлость, всыпьте ему хорошенько!

Да уж всыплю, догоню вот только!

- Видали нахала? На Его сиятельства добро позарился! Посреди темной ночи!

Прозвучало как «посреди белого дня», но ведь это не какое-то там «добро», а моя скрипка. Мой хлеб, моя соль и, извините, сто́ит немерено.

- А почему он сиятельство?

- Да у него же физиономия, пардон, поклонения просит.

Интересно, как они разглядели в ночи и под маской, чего просит моя физиономия?

- А он, кажется, ничего, симпатичный.

- Кто, Паж?

Да уж, Паж – «ничего». Только попадись мне, дружок!

- Да при чем тут Паж, Его сиятельство – вполне себе милый!

Я не удержался от желания разглядеть обладательницу звонкого приятного голоса, мне улыбнулись из толпы, но в этот момент пропал из виду мальчишка, и я думать забыл о комплименте. Поляна закончилась, началась какая-то новая аллея, меня все подбадривали вслед, я кинулся в эту аллею и сразу увидел Пажу. Он не думал скрываться, а, напротив, бережно держа скрипку, манил меня за собой, втягивал в какую-то глупую авантюру. Я бросился к нему, он – от меня, мы свернули на боковую узкую тропинку. Захлестали по лицу ветки, цилиндр слетел с моей головы, маленькая гримерная неизвестного театрала осталась без реквизита, но мне сейчас было не до мелочей. Я почти нагнал мальчишку, однако он ловко увернулся, прибавил ходу, и мы опять побежали.

Шутка ли? Скрипка конца 18 века, копия чудесной «Авроры» Антонио Страдивари, выполненная, в совершенном подобии к оригиналу, неизвестным итальянским мастером... Дернул же меня бес отправиться с ней на поиски приключений!

Тропинка кончилась, пришлось продираться сквозь плотные заросли, какие-то лианы цеплялись за ноги, словно в центре Москвы выросли индийские джунгли. Нет ли уж тут – для полноты ощущений – змей, обезьян, гималайских медведей? Не удивлюсь, если есть, Карнавал же... Ох, уж этот дурацкий паж, этот молчаливый Сёма Пивоваров и этот великий Правитель Сучандра...

Наконец, мы вылетели из чащи. Вдаль шла прямая и совершенно безлюдная аллея, паж метнулся куда-то в сторону и окончательно исчез. А я едва не влетел в объятия неизвестной особе женского пола, одетой Сильфидой. С крылышками, разумеется, куда же без них.

Погоня кончилась, ничем не увенчавшись. Правильно говорят, что в любой запутанной ситуации надо искать женщину. В данном случае женщина тоже нашлась и стала причиной прекращения погони. Едва не сбив незнакомку с ног, я не мог допустить вопиющую неучтивость и не заговорить с ней, не принести извинения и не осведомиться, не сильно ли я на нее *наскочил*. Кинув последний, безнадежный и свирепый взгляд в успокоившиеся кусты, я сделал любезное лицо и повернулся к девушке...

- Святая Мария! Это вы, милорд!? – не дала мне Сильфида и звука произнести и тут же прижала пальчик к моим губам, потому как я, естественно, собирался потребовать объяснений – что за дела, почему она решила, что я какой-то там *милорд*, и прочее.

- Идите за мной, молчите и будьте настоящим рыцарем! – имитируя итальянский акцент, произнесла она, взяла меня за руку и повлекла по аллее, прочь от кустов, в которые скрылся Паж. Ладно, будь что будет, смирился я. К тому же в голову пришла догадка, что, скорее всего, здесь орудует одна компания, и я что-нибудь – да узнаю. И, как настоящий рыцарь, покорно потащился за уводившей меня девушкой.

Сильфида упорно молчала, сворачивая то туда, то сюда – одной ей известно, куда. Шли мы довольно долго, и это стало меня раздражать. В какой-то момент я даже сделал попытку прижать девушку к большому дереву, под которым было особенно темно, чтобы-таки выяснить – куда она меня ведет, как ее зовут, и не стоит ли нам с ней, иносказательно выражаясь, познакомиться поближе.

Она быстро ответила, что ведет – я сам увижу, куда; зовут – не важно, как; и она не Одиссеева Сирена, никого еще в неприятности не ввергала. «А меня?» - хотел спросить я, но она меня пристыдила, обозвала *каким-то неудачным джентльменом*, а насчет более близкого знакомства – это вообще похоже на домогательство, завершила она монолог.

Ну, что же за день такой! Точнее вечер. Точнее ночь...

- Карнавал, милорд! – усмехнулась Сильфида...

Я беспомощно вздохнул, вместо продолжения беседы поправил маску на лице и отдался Сильфиде безо всяких условий. Она сделала быстрый книксен, вновь завладела моей рукой и повлекла меня дальше к неведомой цели.

Так мы шли еще минут пять или даже больше. Молчание, дорога и ожидание становились томительными. К тому же мне показалось, что мы ходим кругами. Но вдруг

створы узкой аллеи раздвинулись, открыв уютную, замкнутую и довольно просторную поляну. В освещенном цветными фонариками углу играл маленький оркестр Кузнечиков и Стрекоз (хорошо, что наш коллектив избежал сей участи!), а посередине и всюду, слабо мерцающие в ночи, кружились пары. Сильфида дала мне минуту полюбоваться идиллией, а когда между номерами котильона случилась пауза, повела меня за оркестр и дальше, в самый укромный уголок поляны.

Там, под задрапированной зеленым матерчатым шаром неяркой лампы, сидя на соломенной плетеной скамеечке, легко опираясь локтем на ручку, в лорнет наблюдала за нами неизвестная мне молодая дама.

Позже я вспоминал, что поначалу старался оценить детали нарочито приземленно и скептически. Конечно, её строгое и вместе с тем роскошное платье из темного старинного бархата было маскарадным костюмом; в причёске мерцал не настоящий, а искусственный жемчуг; оправа лорнета была не золотая, а медная; кристалл, сияющий, как бенгальский огонь, в перстне на темной перчатке, был вовсе не драгоценный камень – и так далее. Я старался себя убедить в том, что ситуация совершенно бутафорская. Старался – и не мог. Я быстро забыл свой скепсис и покорился очарованию момента. От тихой музыки, от света и теней, от теплой ночи и от близкого присутствия этой чудесной девушки голова совсем перестала верить в реальность современной Москвы, летнего парка, наступившего обычного воскресного дня и следующего за ним понедельника. Мой разум, поначалу сопротивлявшийся чуду, был побежден. Хмельной аромат ночи, юности, карнавалов таинств и каких-то пряных, тончайших духов заставил замолчать моего внутреннего критика, а весь остальной я радостно принял ситуацию на веру.

Передо мной сидела фея. Нет, не фея, принцесса. Да что там принцесса, молодая королева... Да и не королева – что такое королева... Здесь была прелестная, нежная, соблазнительная, сдержанно-страстная и совсем юная женщина.

Ее глаза под бархатом маски были вытянуты и итальянски-темны. Волосы отливали синевой вороненой стали, а совершенной формы рот с алыми, по-детски полными губами был, казалось, еще не целован и в то же время внушал смутное подозрение, что яблоко Евы – не единственное доставшееся ей от прародительницы всех девушек наследство.

Я склонился в низком поклоне перед незнакомкой, коснувшись губами поданной мне для поцелуя руки. Перстень ревниво уколол меня, девушка улыбнулась, сняла перстень с пальца, отдала его Сильфиде, и мы повторили прерванное действие.

- Его сиятельство милорд Альберт! Ее светлость Мария, герцогиня Спада! – представила нас Сильфида, когда я выпрямился.

Мария едва заметно кивнула, выразив благодарность, и моя похитительница растворилась во мраке.

Ну вот. Паж я уже на свою беду накликал, а теперь напроорочил и герцогиню. Интересно, дойдет ли дело до лошадей, соколов и собак?

Но, однако! Что же, так и написано мне на роду сегодня исполнять роль какого-то принца-милорда-Альберта? Откуда они все узнали, сговорились, что ли... Возможно, что и так. И, наверное, все-таки лучше, чем Крокодил.

Тем временем из маски на меня внимательно смотрели темно-карие глаза. Эти глаза были с какого-то знаменитого старинного полотна, я не мог вспомнить, с какого. Сквозь спокойствие и вежливое, сдержанное любопытство едва не прорывался бурный – не то апеннинский, не то пиренейский – темперамент. Кто знает, на скольких мужчин она так смотрела до меня – вероятно, даже и сегодня. Может, я первый, а может и десятый. Но в тот миг она смотрела на меня и видела сию секунду только, и одного лишь, и всего меня – это было несомненно.

Говорят, в дальних глубинах Космоса есть совершенно не изученные чёрные дыры. И будто бы сила тяготения в них такова, что не оставляет шансов никому, кто делает попытку вырваться из них. Один мой приятель – студент-физик Алеша Гиппиус – утверждает, что

даже свет, попадая в зону влияния черной дыры, уж не может вылететь на просторы Вселенной. Со всей своей предельно возможной эйнштейновской скоростью свет так и носится из одного угла черной дыры в другой и обратно, без шанса вырваться наружу. И именно поэтому-то дыры и есть черные. Не знаю, так ли оно на самом деле, даже если и так, я там ранее не бывал. А вот теперь, кажется, побывал. Потому что смотревшие на меня глаза напоминали такую черную дыру. И не одну, а две. Две карие бездонные пропасти. Неосторожно заглянув в них с опасного расстояния, можно было заранее распроститься с желанием вырваться на свободу. Да и такого желания, честно говоря, не возникало. Что ж тут было вырываться, если хотелось обратного, если так много обещал полыхающий там внутри, но не выплескивающийся наружу жаркий, веселый пламень...

Но тут космические бездны прикрылись веками, глаза неторопливо, выразительно моргнули, и стало понятно, что меня отпускают. С некоторым сожалением покинул я зону аномальной гравитации, и тогда у меня развязался язык.

- Пути Карнавала неисповедимы, - начал я издали, - вчерашний вечер и эта ночь начались с потерь, досадных неудач, смешных происшествий. Я не имею представления, где могут быть люди и предметы, исчезнувшие в неизвестном направлении. Но я уверен, что приключение, которое начинается в этот миг, искупит все мои печали и сомнения.

Кажется, галантно сказал. Немного книжно, конечно, но уж как вышло.

- Я не совсем хорошо говорить русски, - начала моя собеседница, - потому я не все понимать что вы сказал.

Несмотря на неправильные сочетания, смысл был понятен, к тому же говорила Мария певучим голосом дочери южных морей, и знакомые слова звучали по-особому мелодично и обаятельно.

- Чтобы вы знали, я Мария, моя страна Италия, и мой предок когда-то был герцог Спада, а сейчас я просто Мария Мариатти.

Она замолчала, выдохнула, видимо, фразы дались ей не без труда. Я помедлил несколько секунд. Кстати, вторую мысль Мария произнесла чище и правильнее, чем первую, или мне показалось.

Я подождал еще немного, но Мария, видимо, исчерпала свой словарный запас и вопросительно смотрела на меня. Отбросив сомнения и вполне понятное замешательство, вспомнив опыт общения в интерклубах, а также недавние короткие гастроли, я набрал воздуха и приступил к своей легенде. Мешая русские, английские и непонятно еще какие слова, я сочинил длинную лживую историю о том, как некий принц, а может, лорд (тут я запутался в титулах) в скитаниях по миру попал на московский Карнавал. Постепенно я разгулялся на просторах не подкрепленной знанием фантазии и доказал, что уж что-что, а язык-то точно без костей. В конце концов, я совсем перешел на какой-то смешанный диалект, который Мария непостижимым образом понимала лучше, чем просто русский, и потому – видно было по ней – не верила ни единому моему слову. Это ее развлекало, и она кивками головы и возгласами «О-о-о!» поощряла меня завираться дальше. Наконец, я ушел в область, совершенно неведомую мне, и поведал о том, как в пампасах Бразилии с вождем ацтеков Колченогим Лосем охотился на страусов. Тут я остановился, перевел дух и спросил Марию, верит ли она мне.

- Верю так что вы ни слова правды, – сказала она весело и продолжила по-английски, – милорд говорит английский немного лучше чем герцогиня Спада язык Колченогий Лось. Еще я знаю ацтеки страусы пампа нет там, в Бразилии. Пампа совсем другая страна, я знаю это точно очень хорошо даже.

Мы оба улыбнулись, хотя мне было немного обидно за мой английский, на котором я пытался вести рассказ. Сносно объясниться я всегда, кажется, мог.

- Милорд пусть не расстраивается и говорит, как знает, главное, чтобы его поняли. – Мария ободряюще кивнула и дала понять, что желает дальше внимать моей басне. С энергией, достойной лучшего применения, я продолжил сочинять, отстоял моих страусов и

сообщил, между прочим, это именно для нас с Колченогим Лосем птиц завезли из Африки и выпустили в Бразилии, а вождь ацтеков тоже приехал в Бразилию специально, и милорд Альберт тоже. Не зря же мы, все же, вождь и милорд!

- Ах, да, да, конечно, если только специально! – согласилась Мария. Ее терпеливый вид меня приободрил, и я продолжил. Еще какое-то время меня носило по миру. Наконец, я затормозил, обнаружив, что спутал Стамбул и Эдинбург, и убедительно доказав, что последний – в Турции.

Между нами, турками, говоря: британцу спутать Стамбул и Эдинбург все равно, что русскому – Тулу и Гонолулу. Рифма есть, но разница критическая.

Мария подождала немного, помолчала, дала мне продышаться и осторожно спросила:

- Милорд, вы все?

- Все, не могу больше, - ответил я.

- Ну, хорошо, спасибо, интересно. – Она сделала небольшую паузу. - Милорд, а скажите, только честно... Кого вы потеряли по пути сюда?

- Куда – сюда? – я еще мысленно скакал по миру на Пегасе.

- Сюда – ко мне. На поляну.

- А, я потерял одну особу, боюсь, ее надо будет искать с милицией... А она, между тем, моя самая верная, самая постоянная подруга, мы с ней вместе работаем и путешествуем. И, кстати, она – ваша соотечественница. А та, по чьему образу и подобию она сотворена, носит имя утренней зари...

- Аврора?

- Да, Аврора. И год назад мы с ней недолго гостили у вас на родине.

- У нас? В Италии? Или где?

- В Италии, конечно. В Венеции и Кремоне.

- Ну надо же, а? Какое совпадение! А я родилась в Риме, потом мы переехали в Венецию, мне много раз это снилось, а сейчас живем в Милане.

- Почему же снилось?

- Почему бы и нет, снилось и все! Кстати, можно я угадаю, кто же она, ваша любимая подружка? И чья она внучка?

- Почему бы и нет, - вернул я ей и поклонился, - угадайте!

- Так вот! Она – внучка Антонио... Стра-ди-ва-ри! Это ведь – скрипка, не так ли?

- Ого... Верно... А как вы это... Как догадались? – я удивился искренне.

- Не знаю, посмотрела на вас и догадалась... – Она лукаво улыбнулась. – Да вы не волнуйтесь. Скрипки не пропадают.

- Еще как пропадают. Но я почему-то не волнуюсь... - в ответ улыбнулся я ей и удивился, насколько мне и на самом деле все равно.

- Ну, а люди? – продолжила развивать тему Мария.

- Что – люди?

- Те люди, которых вы потеряли... Они – кто?

Что бы ей ответить... Сочинишь не то, потом будут недоразумения и там, и тут...

- Так – кто они? – Мария была последовательна в своем любопытстве.

- А, - я неопределенно махнул рукой, - так. Один милый карнавальный зверек.

- Так это...

- Что?

- Это – он, а не она?

- Ну, конечно, он. Зайчик.

- Хорошо. Тогда, милорд, знаете что... Как бы это правильно сказать...

- Скажите, как есть, может, я пойму.

- Меня сюда привел... Привела... Сидеть мне тут сказал...ла сердитый... сердитая волшебница – Медведица. И вот я сидела, сидела, ждала. И дождалась.

- Чего дождалась?

- Не чего, а кого. Милорда принца дождалась. А, кстати, заметили ли вы, милорд принц, что у меня тоже сейчас кое-что украли?

- Заметил, конечно. Перстень. Эта негодяйка, Сильфида.

- Да, он очень дорогой, фамильный. И его тоже надо искать с полицией. Так вот. У меня идея. Раз уж у нас обоих что-то ценное украли, то давайте и мы украдем – у них.

- Что украдем? Кого?

- Нас с вами. Вот удивятся-то!

- Как это – украдем?

- А вот так! Можете ли вы меня... Это...

- Что – это?

- Похитить? И со мной отсюда исчезнуть?

- А не боитесь?

- Боюсь, - ответила Мария с двусмысленной улыбкой.

- Ну... Могу попробовать. Бежим, пока нам никто не мешает?

- Нет. Не так. Не все так просто. Надо, как раз, чтобы нам с вами мешали. И я предупреждаю – вам будут всеми силами мешать.

- Кто? Кузнечики, танцоры? – я показал на возобновившийся котильон.

- Не только они. Еще и я. Я буду сопротивляться изо всех сил! – Мария в упор смотрела на меня, и, продолжая улыбаться, встала со скамейки.

- А зачем?

- Затем. Это ведь похищение, правда? У меня будут свидетели, - она указала на танцоров, - что я не сама убежала, что меня утащили силой, а я сопротивлялась, звала на помощь. Совесть моя будет спокойна. Медведица поверит и не рассердится.

Я думал, она шутит, смылись бы в дремучий лес, и дело с концом. Но нет, она, кажется, говорила серьезно. Хороша, нечего сказать! Хотя, конечно, логика в ее рассуждениях была. Совесть, видите ли, будет спокойна. Удобная, сговорчивая штука – совесть. Вроде бы она есть, вроде бы она мучит – а успокоишь её – можно и во все тяжкие...

- Что ж, логично. Убедили. Совесть так совесть. Значит, будете сопротивляться, да?

- А то как же? – она, кажется, вздумала еще и потешаться надо мной.

- Ну, ладно... Кстати, посмотрите, кто там идет? Не к вам ли?

Она повелась на мою детскую хитрость, отвлеклась, и тут схватил ее. Она не успела среагировать и не догадалась сразу крикнуть. Или не захотела, давая мне шанс. Реакция у меня быстрая, силушкой природа не обидела, я схватил ее под колени, поднял в воздух, своими длинными руками обвил намертво, нежно и твердо зафиксировав крепким объятием ее руки и ноги. Тут она пришла в себя, сориентировалась, попыталась дернуться – да куда там! Тогда она стала мотать из стороны в сторону головой и, кажется, собралась звать на помощь танцоров и кузнечиков, занятых своей бесконечной игрой.

Да, может получиться неловко, сейчас они увидят, решат, что все серьезно, прибегут, начнут освобождать пленницу, выяснять, что да как, поди им докажи... Нет уж! Выход у меня был, радикальный, а времени на раздумье не было. Не ослабляя мертвой хватки, я притянул голову моей герцогини – и, как опережающей пулей прыжок свирепого хищника, опередил ее зов на помощь, отчаянным поцелуем закрыл ее уста. Секунду я постоял, убедился, что теперь она в моей власти, а потом, как пылкий Ромео, с извивающейся в экстазе Джульеттой, ушел в ближайшие кусты. Зеленый фонарик продолжал гореть, лил мягкий свет на плетеную скамеечку, на которой уже никого не было, только сиротливо лежал забытый лорнет, свидетель преступления.

Пока я продирался сквозь кусты, Мария дергалась и мычала, потом успокоилась, затихла и стала как будто легче. И вдруг я почувствовал, как комфортно расслабилось ее тело, руки в узких кружевных перчатках выскользнули из-под моих рук, обняли меня за шею, а губы ее, вначале твердые и прохладные, стали мягкими, теплыми и ненасытными. Мне

стало даже немного зябко: только что брыкалась, как стреноженный жеребенок, фыркала, и вдруг... М-да... Бывает же такое...

Наконец, у нее кончилось дыхание, а затем кончился и поцелуй, получилось отменно. Я поставил Марию на ноги и попытался отпустить, но она начала куда-то заваливаться, воздев руку ко лбу. Я ее удержал, помахал перед ее лицом ладонью, как веером, дунул на нее. Наконец, она пришла в себя. Я посмотрел на нее с восхищением: вот это темперамент! Пиренеи... Или Апеннины? (все время путаю эту географию). Сейчас, правда, Пиренеи (или Апеннины) едва держались на ногах.

- Ну как, жива? – брудершафт ведь у нас состоялся.

- Нахал! – ответила она, оправляя платье и прическу.

- Кто бы говорил! – я улыбнулся и подал ей руку. Она тоже улыбнулась и посмотрела на меня как-то по-матерински.

- Эх ты, горе-принц!

- Почему горе?

- Не знаю, так... Я, конечно, тоже та еще герцогиня.

Она засмеялась, взяла меня под руку, и мы пошли куда-то, по темной липовой аллее, то здесь, то там выдававшей огоньками присутствие людей.

Было три часа ночи. Луна спряталась за деревьями, однако ее присутствие выдавали неожиданно освещенные верхушки деревьев и лежащие на тропинках тени.

Наступило самое глухое, призрачное и богатое сновидениями время, о котором есть поговорка, что более всего ночь темна перед рассветом.

В этот час, усталое, выработавшее последние ресурсы дневной энергии, затихает всё вокруг; замирают, находят утомление самые беспокойные, и только сомнамбулы бродят по крышам, дирижируя руками беззвучную музыку, пугая поэтов, артистов, художников, влюбленных и прочую сумасшедшую братию.

Где-то невдалеке бесшумно текла уснувшая река, унося к морю в своем чреве ракеты, упавшие после салюта, и огненно-тревожные отблески его.

Притаились в заводях рыбы, вздремнули над удочками рыбаки, автомобили прикорнули на стоянках, и даже небесно-голубые поезда метро погасили фары, уснули в тоннелях, погрузили в спокойный и тихий полумрак вечно шумные подземелья. Почти уснули город и парк. Почти уснула половина мира. Почти уснул и Карнавал...

Идя по знакомым мне местам, мы увидели недавнего Питона, сраженного мертвым сном. Вилась кольцами пятнистая брошенная шкура, а рядышком, вперемежку, посапывали пятеро симпатичных африканцев, чьи веселые глаза смеялись сквозь ее прорези. Неподалеку, под деревьями, сложили головы утомившиеся ЖирафоБегемоты. Сбросив свои безобразные шеи, они оказались симпатичными парнями – белобрысым скандинавом и брюнетом-арабом. Так и спали они под одним деревом, спаяв в рукопожатии Европу и Азию, презрев все на свете расстояния, противоречия, условности, границы и предрассудки.

Я тоже, презрев границы и предрассудки, вел под руку очаровательную молодую римлянку, и не было в нас предубеждения, непонимания, страха, а было нам хорошо, уютно и радостно – наверное, именно так, как должно быть всегда.

Парк, однако, жил потайной жизнью. То здесь, то там вспыхивал и пропадал свет, открывались и закрывались двери ночных клубов, балаганчиков, кафе и кинематографов, которые, открывшись на вечерней заре, закроются навсегда на заре утренней. И везде – даже не виднелись, а ощущались – во тьме подобные нам тихие, осторожные парочки, не тревожащие никого и не желающие быть потревоженными.

А мы себе шагали по выпуклому северному полушарию Планеты Земля, держали курс на Полярную Звезду и на Туманность Андромеды. Что нам было до того, что до нее два миллиона световых лет, это было расстояние нескольких наших шагов, да и не надо нам было туда, а хотелось идти по нашей круглой Земле и держаться за руки.

Я взялся рассказывать Марии одну из своих правдивых историй, которая действительно удивляла меня случайностью и закономерностью совпадений. Суть заключалась в том, что лет пять назад, еще студентом-второкурсником, я на концерте в Консерватории познакомился с двумя симпатичными парнями. Ребята были из немецкой Швейцарии, молодые музыканты Люцернского оркестра, виолончелист и трубач. Звали их Курт и Вальтер, в Москве они были проездом, путешествовали по миру во время отпуска, совсем не говорили по-русски, и после концерта я поработал для них гидом, показывая примыкающую к Консерватории вечернюю Москву. Прошло несколько лет. И вот наш молодежный оркестр отправился в ту самую поездку в Италию, о которой я упоминал. Каково же было удивление, когда перед входом в церковь Сан Видаль в Венеции мы, будто вчера расстались, встретились с Вальтером и Куртом, Курт был с трубой, я со скрипкой... Ребята выходили после утренней репетиции их оркестра, а у нашего оркестра репетиция была дневная, у них был концерт в этот вечер, а у нас завтра днем... Времени пообщаться почти не было, в ночь они уехали на поезде в Швейцарию, а мы после концерта – в противоположную сторону, автобусом до Братиславы, а там тоже на поезд, до Москвы. Ну, а уж прошлой осенью, находясь в Перми, я получил открытку из Тянь-Шаня, из неведомого мне города Урумчи. По почтовым штемпелям можно было отследить богатую географию путешествия открытки, пока она выбиралась из Китая и искала меня в нашей стране. На фото были темно-зеленые леса на фоне снежных гор, а на обороте Курт написал, что желает нам всем увидаться где-нибудь и когда-нибудь еще. И вот буквально позавчера, опять у памятника Чайковскому, я случайно встретил группу музыкантов, среди которых оказался Вальтер... Мир, оказывается, такой маленький и тесный! И то ли еще будет...

- То ли еще будет, да... - подтвердила герцогиня Спада, не очень весело усмехнулась каким-то своим мыслям и, мне показалось, спрятала от меня глаза.

- Ты что? – спросил я ее.

- Да так, ничего... Как ты думаешь... Хорошая вещь – сказки, да?

- Да, вполне. Вот у меня, например, было недавно...

- Подожди, не перебивай, слушай. Было ли у тебя такое, что ты в детстве себе сочинил сказочку и с тех пор ждешь – сбудется или нет?

- Не знаю. К чему этот вопрос?

- А вот к чему. Однажды, совсем маленькая, я поехала к бабушке в... Ну, допустим, в Неаполь. У меня там бабушка живет, а у бабушки сад, а в саду цветы, и океан недалеко.

- Океан?

- Нет, не океан, море. И вот я гуляла в саду, гуляла, и был январь, было жарко, было лето, я гуляла-гуляла, сильный ветер дул с океана, солнце светило...

- Подожди-подожди, Мария! Какое лето в январе? Ты что-то путаешь.

- Нет-нет, конечно, было лето, было жарко, и с моря дул ветер, я остановилась, присела под дерево отдохнуть. Солнце слепило, я закрыла глаза, а когда открыла – был уже вечер, светили звезды, а по аллее ко мне шел принц в одежде из тьмы, в черной маске, шел и смотрел на меня. Подошел, заглянул мне в глаза, взял за руки, взял на руки, и вдруг мы полетели. Да-да, просто взяли и полетели. Но не успели мы понять, куда и зачем летим, как звонко хлопнуло небо обеденным гонгом, и раздался голос бабушки: Камила, мате!

- Камила?

- Мария! Бабушка звала: Мария! Чай пить! Я проснулась, день, светло, встала, пошла пить чай. Прошли годы, вот я стала такая, какая сейчас: учусь в университете в нашей столице, учу русский в Москве, тоже путешествую по миру и даже знаю, в какой стране ацтеки, а в какой пампасы. И вот сегодня сидела я на скамейке, слушала музыку, звали меня танцевать, не пошла, устала, закрыла глаза, даже задремала слегка. А потом слышу – идут ко мне. Открыла глаза и вижу... Как будто это уже было, может и не раз. Знаешь, что я увидела? Вечер, светят звезды и фонарики, кружатся пары, как насекомые вокруг лампы, а по аллее ко мне идет принц в одежде из тьмы, в черной маске, идет и смотрит мне в глаза...

Она замолчала.

Я развернул ее к себе, заглянул ей в глаза и взял ее руки в свои.

И мы... Нет-нет, мы никуда не полетели, не было сна, не было никакой неаполитанской бабушки и непонятного ветреного океана. Просто пришло ощущение чего-то очень хорошего. Мне показалось, что мы легче воздуха, что я стал огромный и вижу все вокруг себя, вкруговую, всем телом. Звезды замигали, приблизились, из своих укромных мест на поляны вышли парочки, проснулись экзотические карнавалы звери... Все молчали. Все стояли и смотрели в небо. Что видели там? Что собирались увидеть? Я не знаю. Я держал за руки Марию, и этого было достаточно. Но я тоже посмотрел вверх и увидел – сквозь деревья и звезды, вместо Луны – маленькую голубую планетку, наполовину закрытую вуалью облаков. Где-то в разрывах облаков угадывались знакомые раскраски глобуса, а часть шарика уже поворачивалась к нам темной стороной, там начиналась ночь – та самая ночь, из которой мы сейчас смотрели в небо. И мне вдруг стало так жалко эту планету, так страшно, что вот я – большой, огромный – могу сейчас взять ее в руки, как разноцветный волейбольный мяч, и запустить куда-нибудь – в лес, в реку, в тартарары... И, однако, я сам – в этот же миг! – живу на этой планете, стою на ее твердой, надежной поверхности, чувствую ее тепло, ее летний аромат, дыхание и притяжение...

Так я думал, смотря в небо. И еще я чувствовал в своих руках руки моей спутницы. Она тоже стояла со мной на поверхности нашего маленького шарика.

Я повернулся к ней, она – ко мне. Казалось, что мы давно знаем друг друга, что мы долгие годы привыкали друг к другу, учились верить и любить, жалеть и беречь – таких, какие мы есть, совсем не идеальных, со всеми нашими слабостями и противоречиями. И вместе с тем мы были не конкретно мы, а мы вообще – мужчина и женщина, единственные люди Земли. Эти наивные мысли вытеснялись смятением и ощущением огромной ответственности – на такой маленькой Земле, посреди огромной безжалостной Вселенной, мы должны жить близко, в мире и согласии, рядом, друг для друга... Жить – и любить друг друга, а как же иначе?

И тут я понял, что бессознательно, всю жизнь люблю эту девушку – Марию, то ли просто Мариатти, то ли праправнучку легендарных римских кардиналов и герцогов. Но люблю я ее не со страстью молодости, не с болью в сердце, не с бурным волнением в крови. Я люблю ее не как женщину, жену, мать моих будущих детей. Я люблю ее тепло, с нежным, неусыпным вниманием, но спокойно, со стороны.

Я понял это, когда перед моим внутренним взором возникла светлая фигура. Я узнал ее. Кого бы я ни встретил, с кем бы я ни общался, и сейчас, и в будущем – знал я, знала и она, что мое сердце раз и навсегда отдано ей. Быть может, порой наивной и смешной, иногда слуге своих настроений и причуд, да сам-то я – ох, мягко говоря, не идеал...

Она была и есть – единственная, кому я честно, от чистого сердца и от ясной головы, сказал – я люблю тебя. Именно так я люблю только тебя, всю тебя и никого, кроме тебя. Будь моей, пожалуйста! – И она поверила, и она стала моей. И она не должна пожалеть об этом, никогда.

А Мария... С какой радостью я буду хранить ее образ – вдалеке, в долгой, быть может, вечной разлуке и в неуклонной надежде – а вдруг все же встретимся? Как тепло буду вспоминать этот ночной летний час, нашу необычную, стремительную любовь – осенним ноябрьским вечером у печального дождливого окна или выюжной зимой, на скупо освещенной последними двумя свечами сцене, на финальных тактах Прощальной симфонии Гайдна... Да нам с Марией уготовано иное, тайное счастье, доступное и известное только нам. Было? – Да было. Хоть ничего и не было, но – было. А быть может? Нет, не может. Хотя – может. Может быть...

Так стоял я, закрыв глаза и держа Марию за руку.

А потом я открыл глаза и увидел, что держу за руку – себя. Я быстро обернулся – в одну сторону, в другую – и понял, что я один.

Я завертелся на месте, метнулся в темноту, из-под деревьев от меня отвернулись.

Мария... Где она?

Ну-ка, вспомним, что было? Она мне рассказала про какую-то бабушку на побережье, мы держались за ручки, смотрели на небо, а потом... Что потом? Потом – все. Ничего. Уснул я, что ли?

Я уселся на песок поляны, сжал голову руками, покачался, вспоминая подробности, тихо позвал в воздух: «Мария! Маша!» - Тишина.

Стоп. А была ли она вообще? Озадаченный неожиданной мыслью, я перестал качаться и тупо уперся глазами в землю у ног.

Вдруг кто-то дотронулся до моего плеча. Я вскочил на ноги, быстрым движением поправил волосы, фрак, отряхнул от песка колени и пятую точку, расправил плечи...

- Мария!

Но то была не Мария. Электрический факел неверно освещал державшую его полосатую руку, драную фуфайку в крупной полосатой зебре, а под дырявой треуголкой с кокардой в виде черепа и костей ухмылялась нахальная разбойничья рожа. Усилия гримера, приложенные к раскраске мужского лица, были достойны похвалы, но, впрочем, они были грубоваты и выдавали всю ряженность этой фигуры. Конечно, для темного времени суток так вполне могло сойти, но посреди белого дня или, скажем, в метро все бы сразу поняли, что пират ненастоящий.

Так, о чем я думаю? Пират в метро? Глупость какая-то...

- Вам что, товарищ? – не совсем, пожалуй, удачно обратился я к ряженному.

- Тамбовский волк нам товарищ, - ухмыляясь, процитировала известное кино рожа.

- Кому? – я вступал в какое-то совершенно бесполезное прение.

- Вам, мне и той дамочке.

А, нет, кажется, мы шли в верном направлении.

- Какой дамочке?

- Которую мы у вас украли.

- Где она?

- Вот в том-то и вопрос: сказать вам, где она, или по-тихому ее ножичком чик-чирик.

- От чего зависит выбор?

- От остроты ножичка, конечно. Шутка. В основном, от ваших возможностей.

- А что от меня нужно?

- Выкуп!

- Выкуп? За что?

- Не за что, а за кого! За дамочку! Она, бедная, там плачет! Мой лорд! Мой принц!..

Я представил себе плачущую Марию. Верилось с трудом. Но – мало ли...

- Ну, ты змей!

- Вы уж разберитесь – товарищ или змей? Хотя, товарищ змей – тоже звучит. – разбойник явно куражился, тянул время, что-то не договаривал и хитро поглядывал на меня.

- Ладно, плачú. – я схватился за карманы. – Сколько!

- Погодите, не суетитесь. Ишь, какой резвый... Пойдем на место, выясним, что да сколько, а там и разберемся.

- Да уж, с вами пойдешь, а вы и меня чик-чирик!

- Ну что вы, сэр! Слово джентльмена!

- Это ты, что ли, джентльмен?

- Ну, конечно, и я тоже.

- Ладно, идем.

Я решительно повернулся и твердым шагом пошел по аллее.

- Вы куда?

- Туда!

- А нам туда! – разбойник показал клюкой в заросли молодых деревьев. – Да вы, никак, в сомнениях, сэр! Подумайте, правда, может, ну ее? А мы – чик-чирик – и все дела.

Насмешка подействовала на меня ободряюще. Отбросив сомнения, смело шагнул я в какие уж по счету за эту прекрасную ночь кусты и оказался перед грубо сколоченной полукруглой дверцей, ведущей в какую-то землянку. Над дверью была наспех намалеванная грабительская надпись с тремя восклицательными знаками:

Вам – сюда!

Вход – выкуп!

Выход – свободный!

Интересно, где они собирались найти дурака, который стал бы искать по зарослям эту дверь, да еще захотел бы в нее войти? А вот – поди ж ты, один уже нашелся.

Я отчаянно рванул на себя ручку и, с трудом совладав с инерцией резкого движения, миновал порог. Разбойник остался снаружи, дверь захлопнулась. Судя по щелчку – на замок. Некоторое время было темно, но потом в неожиданном верху зажегся прожектор, затем под ногами включилась рампа, и я с удивлением обнаружил, что в одиночестве стою на сцене. За световым занавесом угадывалось пространство зала. Зал был небольшой, скорее это даже был не зал, а какой-то злачный кабак, разбойничий притон, не вариант для приличных людей. За несколькими столиками и на полу сидели типы в цветастых театральных лохмотьях и с нереально зверскими физиономиями. Все эти физиономии с любопытством уставились на меня. Вскоре, вынырнув из дальней глубины, к ним присоединился и главарь.

- Heu You! – раздалось по-английски из зала, с ближайшего ко мне столика.

Я пригляделся и увидел за бьющей мне в глаза рампой женский силуэт.

- It's me – вновь раздался веселый неунывающий щебет, и я узнал голос Марии.

Глаза мои понемногу настроились на контрастный электрический свет, и я смог разглядеть ее. Она была в той же полумаске, глаза сверкали ярче, чем драгоценные камешки в серьгах, она насмешливо улыбалась, а по обеим сторонам от нее не полу сидели два разбойника, которым она, видимо, в знак своего пленения, отдала на хранение обе свои руки.

- Меня опять украли, милорд. Но на сей раз – не вы.

Разбойники заулыбались, зашуршали потираемыми ладонями, сопроводили все это подходящими замечаниями и междометиями.

- Ах, да, выкуп! – вспомнил я, - Но это же грабеж! Чистой воды! Уголовное дело!

- Конечно, грабеж, само собой. А как же еще? На то мы и разбойники, не так ли, джентльмены?

- Да, само собой, а то как же, в натуре... - согласно закивали джентльмены.

Я похлопал ладонями по карманам брюк, по груди и вспомнил, что я не в костюме и не в куртке, а во фраке, в котором боковые и внутренние карманы не предусмотрены, а нагрудный предназначался для цветка или платка. Поэтому документы и кошелек я перед уходом из дома положил в футляр скрипки, и где все это сейчас – неизвестно.

Разбойники с интересом следили за моими манипуляциями, в которых не было никакого толку. Так... Что делать? Глупейшее положение! Стоп! Вспомнил! Позавчера перед концертом в Доме ученых на Кропоткинской мы с контрабасистом Игорем Бурковым отправились в буфет. Взяли кофе, пару бутербродов, мороженое. Только расположились за уютным столиком, в зеркальном зальчике, в компании чинных профессоров в твидовых костюмах и с бабочками, как прибежал с вытаращенными глазами фаготист Федькин и зашипел на нас, что мы сошли с ума, все уже на сцене, на настройке, дирижер обещает уволить или уволиться... Ну, и тому подобное. Я тогда, правда, перепутал время, думал, что у нас есть полчаса, и совратил Буркова, пользуясь случаем, зайти в знаменитый буфет Дома ученых. Мы бросились за кулисы, прихватив бутерброды, а кофе и мороженое остались остывать и млеть на столике, нетронутые. Так... К чему это я... А, вот к чему: расплачивался в буфете я. Купюра была в 10 рублей, красненькая, я ее брал с собой отдельно. Сдачу дали – семь с мелочью. Так как во фраке карманов нет, я сгреб со стола мои сокровища и... Что и? –

Точно! Сунул их в задний кармашек фразных брюк! Ну-ка? – Я протиснул правую руку в узкий неудобный карман и услышал под пальцами характерное хрустение бумажных денег. Я извлек их на свет божий – две трешки и рубль, скомканные, мятые, стыдно смотреть!

- Вот, - говорю, - выкуп! Все, что есть. Еще мелочи немного... - и опять полез в карман.

- Фи, молодой человек! – перекрывая гул, смех, негодование и улюлюканье разбойников, сказал главарь, - не стыдно вам? Это так вы оцениваете вашу девушку? Посмотрите на нее – красавица, веселая, прелестная, между прочим, кажется, умная... Герцогиня, опять же... И сколько вы за нее?.. Ну-ка?.. Семь рублей! Пятьдесят копеек! Вот это мы разбогатеет! Эх вы... А еще милорд, сиятельство, или как там вас...

Я растерялся. Действительно, что же это я, дурак, за деньгами полез... Ладно бы еще миллион был, а то и сумма жалкая, и сам я жалкий, и ситуация глупейшая. А самое обидное было то, что Мария, я видел, тоже смеялась вместе с разбойниками, возмущалась, они хлопали ладонями о ладони, показывали на меня пальцами и кричали «Бууу!» Я скомкал мои несчастные бумажки и удалил их назад, туда же, в карман, с глаз долой, мысленно проклиная разбойников, профессоров, дирижера и еще почему-то Игоря Буркова, который уж точно был ни в чем не виноват. И еще я думал, что неплохо было бы провалиться куда-нибудь подальше. Но я не провалился, а продолжал стоять на сцене, и ситуация становилась томительной. Наконец, свист прекратился, наступила тишина, все стали ждать продолжения.

- Вот вы, господа, свистите, - начал я, распаляя свой гнев, - а между тем именно ваш уважаемый главарь изволил завести разговор о выкупе, да и вывеска у вас весьма красноречивая... - я показал на дверь за спиной.

- Да вы бы сначала узнали, что к чему, какой нужен выкуп и что принимается к оплате, - главарь на сей раз не дал разбушеваться народным массам, - а вы сразу кинулись вашу невиданную щедрость демонстрировать.

- Моя невиданная щедрость была вынужденной, а какого выкупа вы требуете, я так и не могу понять. Может, мне почку продать? Только скажите!

- Можно и почку. Но это потом, если ничего другого не получится. Видите ли, в нашей немногочисленной, веселой и закрытой компании принято считать, что деньги – вещь, конечно, нужная, но главная ценность все же не в них и даже не в почке, а в том, что ни за какие деньги не купишь. Сила ума, сила таланта, сила слова и сила парадокса – вот тот капитал, наличие и размер которого мы здесь оцениваем. Уточняю: ни за какие деньги это не купить, если не имеешь, но, имея, можно продать – и очень, очень выгодно. Вот что может спасти вас и вашу спутницу: вы должны вступить с нами в спор, вы должны нас убедить, вы должны опровергнуть какую-нибудь всенародно известную истину, аксиому, мораль. Например: дважды два – сколько? Четыре. А вот и нет! Докажите, что это не так. Тише едешь, дальше – что? Будешь? Не будешь... Ну, и тому подобное. Мы должны усомниться в очевидном. И не только усомниться, а убедиться в обратном. Вы должны нас переубедить. Вот такая игра! Понятно, о чем я говорю?

До меня начал доходить смысл его монолога. Не сказать, чтобы я был в восторге: получится ли? Деньгами, конечно, проще. Но это – когда они есть. А если нет? Да и, помимо моей воли, идея меня неожиданно увлекла, я почувствовал легкий озноб, который предшествует азарту. Во всяком случае, попробовать стоило.

- Не совсем, но можно рискнуть. Кто даст тему?

- Ваша светлость! – обратился главарь к Марии, - ваша свобода – в ваших руках. Вернее, устах. Выбор темы для импровизации принадлежит вам!

Мария ни капли не смутилась. Она вообще была не их робких. Некоторое время она медлила, смотрела на меня внимательно, что-то обдумывала. Все глаза были устремлены на нее, в зале было тихо и напряженно, скрывая нетерпение, все ждали ее слова. Смотрел на нее и я. Наконец, она пошевелилась, на губах промелькнула знакомая мне провокационная улыбка, глаза слегка сощурились сквозь маску, и она начала:

- Ваш самый знаменитый поэт, - она говорила медленно, выделяя каждое слово, - в одном из весьма спорных своих творений сказал устами своего героя, еще более знаменитого композитора: гений и злодейство... - она замолчала, повесила паузу.

- ...две вещи несовместные, - прервав паузу, закончил за нее главарь.

- Две вещи несовместные! - хором, вполголоса, выдохнул зал.

- Да! - подтвердила Мария и откинулась на спинку стула, продолжая смотреть на меня.

- Понятно ли вам задание? - уточнил главарь. - Вы опровергаете эту известную и очень спорную аксиому, а мы решаем, какова цена вашего опровержения. Или вам для настроения нужно кого-то отравить?

- Кое-кого из вас отравить бы, конечно, не мешало. Однако, хватит уже тянуть время и играть словами. Если это все, то - господа, я готов!

- Слушаем вас внимательно! Свет! - и он хлопнул в ладоши.

Тотчас свет погас в зале, столики провалились во тьму, погасла и рампа, лишь один косой прожектор освещал одинокую фигуру на сцене, и этой фигурой был я. И я начал.

- Уважаемая дама и господа разбойники! Дорогая леди и джентльмены удачи! Вот мой рассказ. Смотрите - там, за вашими спинами, возникло совсем иное пространство, это пространство музыки и вдохновения, неизъяснимого таланта, невероятного мастерства и огромного труда. Согласитесь, ни один человек не скажет про себя всерьез, что он гений. И уж, подавно, ни один человек никогда не признается себе, что он злодей. Эти оценки - сейчас или после, через годы и века, - будут давать современники и потомки, и их противоположные эмоции могут наделить одного и того же человека несовместимыми качествами. Однако, к делу! Вы видите большой концертный зал. Вы слышите прекрасно настроенный симфонический оркестр. За его пультом - великий скрипач и мистификатор, маэстро Алессандро Мариатти. Да-да, господа разбойники и ваша светлость, вы не ослышались - Мариатти. Такого скрипача и дирижера никогда не существовало, зато кое-кто из вас, кажется, носит эту фамилию, если, конечно, она не карнавальная. Так вот, этот Алессандро Мариатти написал невообразимую музыку - он написал ее сам, прошу заметить! - но убедил весь мир, что это найденный им в каком-то старинном замке в Генуе неизвестный манускрипт его великого земляка Никколо Паганини. Мариатти сочинил легенду, каким образом и почему эта рукопись была сначала скрыта, а потом и утеряна, как он напал на ее след, с какими трудностями и каким образом ей завладел. Музыка, заключенная в партитуре, была прекрасна и традиционна. Но, при изящной, грациозной и несложной партии оркестра, сольная партия первой скрипки таила десятки нерешаемых задач, содержала пассажи и каденции такой невероятной сложности, что, верно, и сам маэстро Паганини не решился бы их исполнить. По словам Мариатти, это и послужило причиной того, что Паганини спрятал рукопись, отрекся от нее, похоронил между покосившимися книжными стеллажами старинной, пришедшей в беспорядок библиотеки. Такова легенда, господа разбойники и милая леди герцогиня. Так вот. Эта партия первой скрипки была в единственном экземпляре и в единоличном владении синьора Алессандро, он потратил много времени и сил, чтобы освоить собственную музыку, научиться ее играть. Для этого он даже изобрел специальную машинку, которая мгновенно и на необходимый промежуток времени перестраивала шантрель на полтона вверх, а басок кидала на секунду вниз, он изобрел специальные струны, не боящиеся резких смен натяжения. А для особых, изобретенных им, невиданных приемов игры он неприметно изменил форму смычка и еще больше удлинил его. Все это длилось долгими месяцами. Мариатти жил затворником, уединившись в своей музыкальной студии, похожей на лабораторию алхимика, и время от времени допускал к себе только любимую четырехлетнюю дочку Доротею. Она играла его инструментами, раскладывала его ноты, но молчала и совсем не разбиралась в музыке, так как была глухонемая. Жена Алессандро давно погасла и была похожа на служанку. Однажды, увидев ее за обедом, он не понял, кто это, и велел встать из-за стола. Жена безропотно подчинилась и с тех пор не появлялась на виду у Адессандро, с дочкой и

прислугой она жила на своей половине дома. Адессандро же решил, что, исполнив свое последнее произведение, он уже никогда не возьмет в руки скрипку, а возьмет за руку дочку, и они поедут итальянскими дорогами на юг, в Неаполь или Сорренто, и дальше, дальше, на Сицилию, в Катанию и Сиракузы, где, на родине Архимеда, купят землю, построят дом рядом с какой-нибудь маленькой рыбацкой деревушкой и заживут там в неизвестности. Жена Мариатти, до безумия любящая свою глухонемую дочь, не знала о планах мужа, она тихо угасала в забвении и праздном одиночестве. Но вот однажды, по зову маэстро, она пришла с Доротей к музыкальной лаборатории Алессандро и постучала в дверь. Алессандро был любезен и ласков, он пригласил их в свое святилище, признал, что был суров, но послезавтра все изменится. Что случится послезавтра – он не сказал, но она знала, что на этот день назначена премьера доселе неизвестного концерта Паганини, и что первым лицом на этой премьере будет земляк Никколо, ее муж Алессандро. И тут Алессандро сказал ей, что же изменится в тот момент, когда он вернется домой. Дом, счета в банке, автопарк, скрипки, все имущество в Генуе – все это достанется ей, а взамен он возьмет только дочь. Доротея молчаливо играла длинными смычками, соединяя их, как шпаги, жена молча слушала Алессандро, и лицо ее было спокойно. Потом она оставила Доротей в студии и ушла на свою половину. Под вечер к ней прибежала Доротея. Господа разбойники и ваша светлость, я не буду утомлять вас избитыми эпитетами, не стану описывать восторги публики, захлебывания прессы, бесконечные овации и вселенский триумф концерта Паганини, написанного и исполненного Мариатти. Я повторю лишь одно слово, тысячекратно произнесенное прессой и растиражированное по миру: Алессандро Мариатти – гениален... Поздно вечером Алессандро возвращался домой. Он позвонил – никто ему не открыл. Он отпер дверь своим ключом – в доме было темно. Он позвал прислугу – никто не откликнулся. Он включил свет – свет зажегся. Быстро прошел он на свою половину, снял плащ и фрак, накинул легкий шелковый халат и за долгое время впервые вошел на половину жены. Он поднял портьеру, отделяющую ее спальню от будуара. Он включил ночник и поднял полог кровати. Безжизненная рука выпала под собственным весом, потревоженная движением полога, и свесилась с кровати. Рука была неподвижна и абсолютно спокойна. Под кожей не чувствовалось тока крови. И последнее, господа бандиты, разбойники, пираты, висельники, убийцы и вы, ваша светлость, последнее, что хочу я вам сказать – это то, что хотя и молчаливой, но всегда подвижной, веселой и приветливой Доротей нигде не было видно. Это для тех из вас, кто читал книжку «Граф Монте-Кристо». Я, господа, все сказал! – закончил я, приложил правую руку к груди и слегка наклонил голову в знак смирения и ожидания приговора.

Сколько продолжалась тишина – я не знаю. Кажется, довольно долго. Разбойники переживали услышанное, лица их были отнюдь не веселы. А Мария смотрела на меня во все глаза, закрыв рот ладонью, сдерживая какие-то слова. Никто не знал, как выразить эмоции, кричать или молчать, радоваться или печалиться, и вообще, что здесь сейчас было. Наконец, чары рассеялись, и в зале грохнули аплодисменты. Они продолжались долго, волнами поднимаясь, угасая и прибавляясь опять. Я стоял и обдумывал нескромную мысль – «совсем как ему, Алессандро Мариатти». А еще я думал, что, пожалуй, не совсем заслужил эти аплодисменты и что успех этот скорее не мой. Тема давно зрела во мне, да и подсмотрел я ее в каком-то фильме, так что мне просто оставалось ее озвучить и пересказать. А кто и впрямь был достоин волн успеха – так это Мария, необъяснимым, феноменальным чутьем попавшая выбором темы в самую точку. А еще я думал - нужно ли было в такой веселой, шутливой, полной юмора и легкого флирта обстановке кроить столь мрачное повествование?

Но в этот момент ответ был получен сам собой. В зале включился свет, все встали, и на сцену полетели цветы. Конечно, это было приятно, но Доротей было очень жалко. Я решил, что надо воскресить Доротей, но обдумать это можно потом. А сейчас передо мной стояла Мария. Разбойники давно отпустили ее руки, теперь она смотрела на меня, редко, время от времени, хлопая в ладоши.

Я стал собирать по сцене цветы, получился большой, красивый букет.

В этот момент мои глаза встретились с глазами Главаря разбойников, и вдруг он подмигнул мне – так смешно и так знакомо. Где я это видел? Ну, конечно, на поляне, благословляемый Восточным Божеством. «Ну, ты даешь, великий правитель Сучандра!» - подумал я, узнав Сёму. Он сделал знак большим пальцем – классно, старик! И произнес:

- Ваша светлость! Вами заплачен достойный выкуп, приглашайте вашу даму – и, с благодарностью за ее и ваше общество, объявляю вам, что вы – свободны!

Я, не торопясь, спустился со сцены в зал, подошел к Марии и подарил ей мои цветы. Все. Почти все. Лишь один маленький, очень нежный букет я припрятал про запас. Затем я подал Марии руку, и мы, сопровождаемые не всегда выполнимыми пожеланиями, покинули этот странный балаган. Мы вышли в дверь, открывшуюся с противоположной от сцены стороны. А над дверью была обратная, не менее нахальная надпись:

Вам – отсюда!

Вход – свободный!

Выход – выкуп!

- Да, ваша светлость, с выкупом я, конечно, здорово выступил... - сказал я Марии, вспомнив о двух трешках и рубле с мелочью. Она поняла, о чем я, засмеялась и сказала:

- А я увидела, что ты отключился, вложила одну твою руку в другую – ты никак не отреагировал – мне стало скучно, и я решила посмотреть, что там за огонек в ночи мерцает. Подошла, смотрю – дверь. Я постучалась в нее, из чистого любопытства. Оттуда выскочили, схватили меня, затащили в кабак и заявили, что тот, кто первый сюда войдет, должен заплатить за меня выкуп. Мне стало интересно, я согласилась. Сказала – ну, так и быть, берите меня. Они и взяли. Потом гляжу – ты. Остальное ты знаешь... Доротею жалко...

- Мне тоже. Очень. Верну Доротею.

- Верни, пожалуйста...

Мы постояли, посмотрели на закрытую дверь, вспоминая случившееся. Потом повернулись, прошли несколько шагов, и кусты сомкнулись за нами. Кабачок исчез, как не было его. Только сейчас я заметил, что предметы и деревья отчетливо проступили из тьмы. Я взглянул на небо – оно заметно светлело, и с него уже окончательно ушла Луна. Было, наверное, около четырех часов, а то и к половине пятого. Что же, неужели мы провели в кабачке больше часа? И похоже на то, и странно. Странно было и то, что карнавальная ночь, кажется, начала плавно переходить в утро. Об этом возвещала Венера, утренняя звезда, ярко и недвусмысленно сияющая на востоке. А там, под Венерой, темно-синий небосвод менял тон на синий, затем голубоватый и сиренево-розовый.

Я поднял руку ко лбу, чтобы помассировать уставшее от бессонных суток лицо. Пальцы наткнулись на ворсистый бесчувственный бархат. Я сорвал маску с лица и с неожиданной досадой выбросил ее в реку. Потом помассировал-таки лицо и мозги, все еще не отводя взора от перламутровой полосы.

- Светает... - прочитала мои мысли Мария.

- Да не просто светает, а уже почти рассвет. Мне кажется, это разные вещи...

- Неужели разные? – спросила Мария и повернулась ко мне.

Она увидела, что я предстал перед ней в своем настоящем обличье, положила свои цветы на гранитный парапет, тоже сняла маску. И я залюбовался ею.

Впервые мы видели лица друг друга и с новым интересом, с любопытством давно знакомых незнакомцев, изучали их. Не знаю, какого мнения осталась она о моей сиятельной физиономии, но в моей памяти ее выразительное апенниско-пиренейское лицо, с большими карими глазами, высоким лбом, прямым носом – почти без ложбинки у лба – и уложенными в гладкую прическу черными волосами, скрепленными жемчужными заколками, осталось именно таким, каким было в этот миг.

Он тоже весьма пристально изучала меня – наверное, отмечала про себя и запоминала детали. Что могло запомниться ей? Густые брови, немного шалые, веселые зеленые глаза, еще что-то...

- Вот ты какой... - провела она ладонью мне по щеке.

- Да, такой вот, какой уж есть.

- Какой уж есть... – согласно повторила она.

А я в этот момент догадался удивиться той легкости, с которой мы сейчас понимали друг друга. Ведь в первые минуты нашего знакомства мы с трудом поддерживали разговор, общались, как древние люди, жестами и междометиями, кое-как сводили концы с концами. Ни Мария по-русски, ни я по-итальянски почти не понимали, но вот же, как получилось! Мы быстро придумали наш общий язык, какое-то непонятное, летучее, никому, кроме нас, не ведомое эсперанто, и общались на нем совершенно свободно. И самое обидное, что это эсперанто забудется уже завтра. Я вновь буду медленно подбирать слова и составлять из них неуклюжие фразы. И Мария опять начнет спотыкаться на каждом звуке, пытаясь что-то выразить по-русски: «Я, это, не совсем понимаю, что вы говорить» Но сейчас мы общались легко и непринужденно, мы не задумывались об этом и говорили, пока была такая возможность. То были чудеса Карнавала, мы не торопились возвращать их уходящей ночи.

- Да, какой уж есть...

- Хороший.

- Хороший? Я?

- Да, ты. Тебе что, непривычно быть хорошим?

- Не знаю, почему?

- Ты так удивился...

- Ты что, Мария? Почему ты так странно смотришь на меня?

- Как? – она тоже зачем-то выбросила маску в реку и поправила цветы на парапете.

- Не знаю. С каким-то пристальным раздумьем, будто ты открыла чего-то новое. Или, наоборот, поняла что-то старое.

- Открыла новое... Поняла старое... С пристальным раздумьем...- она пробовала фразы на вкус, мысленно взвешивала их, - знаешь, ты очень странно подобрал слова. Сказав так, ты не прояснил ситуацию, а еще больше запутал ее.

- Запутал? Почему?

- Потому. До этой ночи все было легко и понятно. А вот сейчас, после нее, появилось это самое: открыли новое, поняли старое... Не знаю, что уж мы там открыли и поняли, я вот сейчас чувствую большую усталость и легкое смятение.

- И я тоже.

- Помнишь бабушку, океан и детские сказочки? Вот, тогда я увидела тебе во сне, а сегодня – наяву. Когда моя подруга, которую ты называешь Сильфидой, привела тебя, я тебя узнала и мне...

- Продолжай.

- Мне захотелось убежать. Но я не убежала. И вот, к чему это привело, – она взяла меня за руку, сжала мою ладонь, будто желая убедиться, что я материален и не состою из воздуха и снов. Я был материален и сжал ее руку в ответ.

- Но ты... Ты должен узнать и принять одну вещь... - она отпустила меня.

Я смолчал, примерно догадавшись, какую именно вещь должен понять и принять.

- Ты понимаешь, Альберт...

- Альберт – не настоящее мое имя. Меня зовут...

- Не надо! Не говори. Пусть тебя зовут, как зовут. На всю мою дальнейшую жизнь – долгую или короткую, как Бог даст – ты останешься для меня Альбертом, британским джентльменом, даже несмотря на то, что Эдинбург, оказывается, столица Турции... - она засмеялась, немножко через силу, пытаясь вернуть в нас легкость и шутку. – Это так же

верно, как и то, что этот театр бутафории и масок останется на всю жизнь воспоминанием о сбывшейся мечте и о волшебном сказочном городе.

Она приостановилась, взвешивая и обдумывая сказанное.

- Кстати... Мое имя – тоже не Мария.

Вот тут я удивился искренне и почти до обиды.

- Как?

- Не важно, как. Ты можешь попробовать догадаться. И родина моя вовсе не Италия, а другая, очень далекая южная страна.

Я молчал, совершенно сбитый с толку, не зная, что ответить, не представляя, как я могу догадаться, и есть ли к этим догадкам ключ.

- Что же тогда важно? – наконец, спросил я.

- Важно то, что этой ночью, в этом городе, я, итальянская девушка Мария, встретила тебя, британского джентльмена Альберта, которого, оказывается, знала всю жизнь и, наверное, любила. Но... - она подняла на меня глаза, в которых блеснуло что-то влажное, - я люблю тебя не со страстью своего южного темперамента, не с волнением в сердце, не с кипением крови. Я люблю тебя не как мужчину, мужа, возможно, отца моих будущих детей...

Она опустила голову, дотронулась краешками пальцев в перчатках до уголков глаз, потом быстро взглянула не меня, как будто испугавшись, не сказала ли она лишнего. Я ждал, пораженный тем, что ее слова повторяли мои мысли почти буквально.

- Я люблю тебя тепло, но спокойно. С нежным, ласковым вниманием – но со стороны. Потому что есть некий Он. Уже больше года назад я для себя решила так: кого бы я ни встретила сейчас или в дальнейшем – мое сердце принадлежит ему – порой вспыльчивому и торопливому, иногда большому ребенку – так ведь и я не святая! Но надежному, верному и преданному мне, завоевавшему меня в непростом состязании со мной. Он сказал мне – я люблю тебя, всю тебя и никого, кроме тебя. Будь моей, пожалуйста! И я поверила и стала его. И ни разу не пожалела о том. А ты, Альберт... Я никогда не забуду тебя. Я буду думать о тебе в разлуке, я буду вспоминать этот прекрасный сон, учась в столичном университете, да и в моем родном небольшом городе, холодным, зимним июльским вечером, сидя под зонтом на дождливой набережной залива Баия Бланка. Я буду вспоминать эту реку, видя, как волны накатывают на песок пляжа, как зажигаются вечерние огни города и его большого порта. Я буду представлять себе несуществующую музыку Алессандро Мариатти и мечтать – быть может, наивно и напрасно – а вдруг... Вдруг встретимся... Ведь мир, оказывается, такой маленький и тесный...

Она замолчала. Несмотря на ободряющую речь, ей было грустно.

Я погладил ее по голове, маленькую, расстроенную девочку, почесал за ушком, ласково поднял за подбородок ее голову и весело заглянул ей в глаза. Мария очнулась от своих видений, поняла, что я вовсе не раздавлен под тяжестью ее признаний, порывисто притянула мою голову и поцеловала в уголок губ.

- А теперь – идем. И ничего не говори.

Она сняла с тумбы цветы, взяла меня под руку и повела назад, в глубину аллеи. Там еще царил полумрак, но мы шли, а ночь убегала на запад, унося с собой все обманы и чародейства. Повсюду появлялись люди, сбрасывались маски. Люди узнавали друг друга, заново знакомились и тоже собирались расстаться. Придерживая локтем мой спрятанный маленький букет, я втиснулся пальцами правой руки в нагрудный карманчик фрака и незаметно извлек оттуда узкое, блеснувшее золотом колечко.

Мы шли.

Краем глаза я заметил справа от себя светлое пятнышко, которое двигалось параллельно нам, и кивнул ему – идем, мол, с нами.

Мы пришли.

- Вот здесь! – сказала Мария, и я узнал поляну, откуда начались наши приключения. На плетеной скамеечке под погашенным фонариком сидел большой черный медведь с

белыми меховыми кругами вокруг глаз. Медведь потешно держал в лапах лорнет, смотрел на нас, раскачивался из стороны в сторону, и что-то напевал. «Так вот кто такая – Медведица-колдунья!» - невольно подумал я. Мы подошли к скамейке.

- Познакомьтесь, милорд. Это мой муж. Dame eso! - сказала Мария, потрепала зверя по загривку и забрала у него лорнет. – Его зовут Джованни.

- Что ж, логично. И очень приятно. Между прочим, я тоже в некотором роде медведь.

- Как это? Что ты имеешь в виду? - Мария удивленно посмотрела на меня.

- Ты можешь попробовать догадаться.

Мария нахмурилась, задумалась, крутя в руках лорнет. Медведь тем временем поднялся на задние лапы, упер передние себе в челюсть и в затылок, напрягся и – хрум! Звериная голова откинулась в сторону. Молодой человек, с длинными темными волосами, но с голубыми глазами, приветливо посмотрел на меня, потом, вопросительно, на Марию. Она произнесла несколько быстрых фраз, из которых я уловил слова Alberto и violino. Муж Марии улыбнулся, кивнул и протянул мне толстую медвежью лапу, которую я с чувством пожал. Не знаю, какие ответные чувства вызвало мое без сомнения чувствительное пожатие. Но краем глаза я увидел, как Мария впиалась глазами в мою руку, на которой блеснуло узкое обручальное кольцо. Вот так, не одна ты на свете... Мир не только тесен, но и просторен.

Я улыбнулся и, обернувшись, увидел пришедшего вслед и внимательно наблюдавшего за нашими действиями милого белого Зайчика.

- Иди к нам!

Зайчик подошел, неторопливо и изящно перебирая стройными ножками, и остановился рядом, прижавшись к моему плечу.

- Познакомьтесь, пожалуйста. Это – моя жена. Ее зовут Инна.

Инна протянула руку Марии, потом Медведю. На ее пальце блеснула золотая полоска.

- И к ней, Мария, тоже относятся точно те слова, которые ты мне сказала там, на набережной... Как дела, Заяц мой псевдо? – обратился я к Инне.

- Сам ты псевдо, и вообще... - поддержала шутку моя жена, слабо улыбнувшись, - я устала. Ты скоро? Может быть, пойдем?

- Сейчас, мне надо попрощаться. Подождешь?

- Подожду, но не здесь, хочу на реку посмотреть. Похожа ли она на реку Святого Лаврентия...

- Почему на Лаврентия?

- Так... Потом расскажу.

- Давай, я скоро!

Инна скользнула быстрым взглядом по лицам Марии и Джованни, кивнула всем и ушла. Ее белое колыхание прибавило света под деревьями.

- Вот так, вот и все, - сказал я.

- Вот и все, - эхом отозвалась Мария, смотря ей вслед. – Значит, вот она какая...

- Да, такая. Моя. Вся.

- Что ж, иди. Она тебя ждет... - Мария отвернулась от аллеи, отвернулась от мужа, от меня. Мы стояли молча, я не двигался с места.

Наконец, Медведь сказал что-то, я не разобрал язык.

- Он говорит – надо подарить тебе что-нибудь на прощанье, - перевела Мария, - но я не буду дарить, сейчас.

- А когда?

- Не знаю, проживем - увидим, так, кажется, говорят по-вашему...

- Как же я тебя запомню?

- А что, без значка или открытки, так просто, не запомнишь? – она почему-то немного обижалась на меня, и я ничего не мог с этим поделать.

- А, впрочем, я сама еще не знаю, - продолжила она, взглянув на Джованни и перестав обижаться, - но, думаю, ты не раз вспомнишь меня, обнаруживая в неожиданных местах всякие мелочи и напоминания. – Она улыбнулась. – Я уж, поверь, об этом позабочусь.

Медведь опять что-то сказал и взялся лапами за голову.

- Он говорит – устал. Все устали. Нам пора. Прощай.

- Прощай. Счастья вам.

- И вам. Закрой глаза.

Я послушно закрыл глаза, а когда через минуту открыл – ни Марии с цветами, ни Медведя, ни его головы на поляне уже не было. Лишь примятая трава напоминала о том, что герцогиня Спада, она же Мария Мариатти и еще кто-то – не плод моего воображения, что она была и есть – теперь, наверное, где-то далеко.

Ну вот, теперь, действительно, и все.

Я посмотрел на ясное небо, глубоко вздохнул, испытывая противоречивое чувство потери и облегчения, а потом вдруг понял, что сильно соскучился по Инне. Я вытащил из моего тайничка под фраком слегка помятый букетик, расправил листочки и лепестки, ощутил свежий, тонкий розовый аромат и обнаружил, что сегодня, с восходом Солнца, бутоны откроются. Откроются, приветствуя мирный, теплый летний день, радуя мою жену и меня, откроются для нее – потому что именно ей, не подарив Марии, сохранил я самые нежные розы.

Я в последний раз взглянул на уже выпрямляющуюся к утреннему небу траву, примятую туфельками Марии. Через несколько минут трава вновь встанет во весь свой рост, проповедуя жизнь, покой и стремление вверх – и тогда уже совсем ничего не останется.

А потом я окончательно и бесповоротно ушел по аллее в лес – туда, где между деревьями робко мелькала в просветах река. Только я свернул с аллеи и вошёл под раскидистые ветви, из-за большого дуба вышел ко мне знакомый мальчишка-Паж, в моем цилиндре, держа за ремешок скрипичный футляр. Почти не удивившись, я подошел к Пажу, молча снял с него маску и узнал Сережу Пивоварова, младшего брата моего друга Семёна.

- Эх ты, хулиган, - я взял свои вещи, - побегали мы с тобой знатно... Спасибо...

- За что спасибо?

- За то, что принес. За то, что побегали. И еще кое за что. Сколько же мы не виделись?

- Года два.

- Ну да, года два и есть. Вырос. Не узнать. Брату привет!

- Передам.

- И, знаешь, что... Скажи ему, что я сегодня зайду, раз уж он в Москве.

- Тоже передам. Приходи.

- Пока. – Я надел на Пажа мой цилиндр, решив, что заберу его у них вечером, пожал Сергею руку, и он ушел.

Я открыл футляр – моя темно-золотистая скрипка была на месте, целая и невредимая, мерцала драгоценным лаком, выпукло отражала заглянувшее вместе со мной в футляр любопытное дерево и вишневый бархат мягкой внутренней обивки. Два смычка, канифоль, комплект запасных струн, бумажник – все было на месте. Но в свободном пространстве под грифом лежал какой-то неизвестный предмет. Я извлек его – это оказался перстень. Крупный, овальный, изысканно ограненный розовый аметист в изящной серебряной оправе. Камень сиял утренним светом, проникающим с неба сквозь ветви деревьев. Из кольца выпала свернутая в трубочку бумажка. Я развернул ее – на ней было написано лишь одно словечко «здесь». Я догадался, что это прощальный поцелуй Марии, и коснулся слова «здесь» губами.

Потом я плотно завернул перстень и записку в бархатную салфетку, убрал в закрывающееся отделение футляра, сверху положил комплект запасных струн и канифоль. Защелкнул замки, бережно протер футляр ладонью и пошел дальше.

Через минуту я был на набережной. Инна стояла спиной к лесу и смотрела на реку. Теплый ветерок ласково касался коротких рукавов ее блузки, шевелил край юбки. Она

положила руки на тумбу парапета – ту самую, с которой полчаса назад взяла свои цветы грустная девушка из далекого южного города Баия Бланка.

В этот момент, я, кажется, догадался, как ее зовут.

- Мариатти! Зубная паста Мариатти! Покупайте зубную пасту Мариатти! - услышал я справа и повернулся на голос. Под деревом стоял ларек – самый, наверное, последний, еще не закрывшийся и торгующий карнавальными чудесами. Продавец зевал и почему-то ухмылялся, глядя на меня. Я подошел к ларьку и разглядел товар. С ярких, жизнерадостных упаковок зубной пасты Мариатти улыбалось мне очаровательное личико Марии. Я полез в задний карман фразных брюк и достал мои трешки, рубль и мелочь. Усмехнувшись, я отдал все это продавцу, удивив его своей щедростью, а взамен взял две маленьких коробочки, одну для себя, другую в подарок. Бессовестный акт купли-продажи свершился: я-таки выкупил Марию – даже не одну, а целых двух – за эти случайные деньги. Сообразив это, я засмеялся, убрал коробочки в карман, привычно взял под мышку футляр со скрипкой и зачем-то шумно дунул в воздух.

Инна обернулась и увидела меня. Она помахала мне рукой, обрадовавшись, что я вернулся так быстро. Я подошел и протянул ей букет раскрывающихся розовых бутонов. Она взяла, кивнула и, спрятав среди бутонов лицо, посмотрела сквозь цветы на реку, потом на меня. Она очень любила розы. Я смотрел на нее, она на меня.

- Идем? – наконец, сказала Инна.

- Идем. Расскажешь что-нибудь?

- Расскажу.

- Интересно было?

- Хорошо было. Хороший он.

- Кто?

- Барс. Снежный.

- Откуда?

- Из Канады...

- Из Канады? Теперь понятно. Ну и как, похожа река на Лаврентия?

- Что-то общее есть.

- А маска где?

- Подарила.

- Адрес взяла?

- Нет.

- А оставила?

- Тоже нет... Зачем?.. А ты?

- И я – нет. Мир же так тесен...

- Мир так тесен... - мечтательно повторила моя жена и спряталась в розы.

Я обнял ее за плечи, усталую и задумчивую, и мы пошли. До первого поезда метро оставалось еще минут сорок, поэтому мы пошли не торопясь, наслаждаясь чудесным летним утром, привычно подстраивая друг под друга длину и ритм наших шагов.

На небе уже появилась пурпурная полоска Аврора, юная предвестница Гелиоса.

Вскоре после того, как засияет на востоке Аврора, наступит радостный миг рождения нового дня: над прекрасной планетой Землею на небо взойдет Солнце.

Мы знали, что ночи карнавальная осталась – на мгновение.

Стало совсем светло.

Конец

5-12 сентября 1985

9-18 июня 1987

11-18 июля 2026

Я с увлечением провел целую неделю с героями из 1985 года и надеюсь, что не слишком изменил позитивной и искренней наивности, которая есть в первоисточнике.

Посвящение – дочке моей школьной учительницы истории Тамары Евгеньевны Зайцевой. Это даже и не посвящение, а просто воспоминание о том, что для одной из героинь взят её внешний облик. Когда мы были в девятом классе, дочка учительницы была во втором и часто после своих уроков приходила к маме, когда та вела урок у нас. Миниатюрная девчонка подружилась со всеми мальчишками нашего рослого Девятого «Б», мы ее баловали, и за это Тамара Евгеньевна была к нам снисходительна. Лет через восемь, во время круиза по Волге, ко мне подошла симпатичная девушка лет шестнадцати, в сарафанчике, тоже очень маленькая, и спросила: «Олег, а ты меня не помнишь?» Хорошо, что рядом был свободный шезлонг, было куда присесть. И она – и ничего общего. Мы мило пообщались. Осенью появился «Карнавал», и образ подросшей *маленькой Светочки Зайцевой* перекочевал в Инну.

Мне, кстати, кажется, что имя Инна не совсем подходит героине по характеру. Скорее, она Ирина, а может, Марина. Я подумывал, не поменять ли имя, но она не захотела, к тому же я вспомнил, почему тогда назвал ее так. Несколько лет подряд мы регулярно играли в волейбол на «Локомотиве», и к нам порой присоединялась, часто вся в белом, недавняя выпускница Ин-Яза, классная переводчица-синхронистка с немецкого и французского, она работала на больших международных выставках при особо почетных гостях. Ее звали Инна, и, возможно, поэтому героиню я назвал именно так.

Про «Альберта» добавить нечего, он целиком вымышлен, за исключением некоторых фестивальных моментов, которые я взял из моей практики. Его имя можно угадать из контекста.

В том же году, после того, как я закончил «Карнавал», работа свела меня с приветливой 19-летней итальянкой из Милана, по имени Giovanna Maria Taglalatela. Она учила в институте имени Пушкина русский язык, мы с ней были очень дружны, через пару лет она вернулась в Италию. Она дала мне первый импульс в изучении итальянского, она талантливый педагог и лингвист, и она неплохая пианистка. Повторяю, познакомился я с ней уже *после* того, как придумал Марию Мариатти.

Примечательно и интересно, что они очень, очень похожи.

Сама же «Мария Мариатти» в процессе создания этой редакции утравила бунт. Изначально она была итальянкой, римлянкой. Но вдруг она спросила: *почему твой герой, будучи русским, изображает на Карнавале британца, а я – итальянка и на Карнавале, и по жизни? Я похожа на итальянку, да, но я не итальянка. Я её только изображаю, как и твой герой – англичанина.* Выяснилось, что ее родина – Аргентина, и в этот момент все сошлось. Она не пожелала жить в Буэнос-Айресе, ее тянуло в Патагонию, поближе к Андам, или вообще – на Огненную Землю, в Ушуайю. Я высказал мнение, что девушка из Ушуайи, наверное, не поехала бы на московский Карнавал, к тому же Ушуайя – это слишком эксцентрично. Она согласилась. Тогда мы сошлись на городе Баия Бланка (Bahía Blanca), на одинаковом расстоянии и от Анд, и от столицы, и от Огненной Земли. Мы его изучили, и он нам понравился. Кстати, именно потому, что она не итальянка, *не Мария* (мы уже знаем, как ее зовут; кстати, имя, в отличие от европейского аналога, пишется с одной буквой «L») убедительно говорит про *пампу*. И перстень у нее – аргентинский розовый аметист в аргентинском же серебре. Да и костюм ее мужа Джованни (имя – реверанс в сторону моей итальянской подруги Джованны) – это южноамериканский «очковый» медведь. Оказавшись аргентинской девушкой, *не Мария* стала более резкой и страстной. Кстати, *мате* – традиционное аргентинское травяное чаепитие. А в Италии чай практически не пьют...

Очень изменилась Инна, она ранее не была такой «вещью в себе». Между прочим, не студентка ли она Института иностранных языков? – Очень может быть. Герой тоже рефлексировал значительно больше. И вообще, эти ребята сделали попытку вступить в более серьезные перекрестные отношения, чем в варианте 1985 года, да, практически, они в них и вступили. Я не знаю, что с ними случилось дальше, надеюсь, что они всё же остались «при своих», но совершенно в том не уверен. То новое, что произошло между Альбертом и Марией, напомнило реальную, с ревностью и сомнениями, любовь, которая, быстро вспыхнув, может долго гореть и давать жару. Да и у Инны с её новым знакомым – вероятно, из Монреаля – по немногим появившимся сейчас репликам, все не так просто. Чудеса Карнавала!

Еще в тему. Импровизация Альберта про Алессандро и Доротею точно такая, как сейчас, по-новому, произносил свою речь герой. В прежней редакции совсем другой текст, а этот записан одним подходом, практически под его диктовку, в режиме реального времени, и в нем не изменено ни слова.

Я очень старался героев убеждать, а не командовать ими. Командовать было бы и бесполезно, и вредно. Потому что остальная (и основная) их жизнь за скобками, за пределами «Карнавала».

В заключение обращу внимание на самую первую и самую последнюю фразы повести. Опять же, получилось как-то само. Как будто вокруг нарисованной в центре большого лоскута ткани маленькой картины проделали нитку, а потом стянули ее, соединив края. И картина осталась там, внутри, невидимая из-за стяжки.

Но картина там есть, как есть и невидимый, внутри стянутых первой и последней фразами краев повести, мир давнего и целиком придуманного московского Карнавала.